

Наталья Владимирова

*Загадай желание
в Новый год*

Наталья Владимировна Загадай желание в Новый год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68530979

SelfPub; 2022

Аннотация

Желания имеют свойство сбываться. Причем, буквально. Вот и я, загадав о безграничных магических силах, стала линси – всемогущим существом. Отныне я живу в волшебном сосуде и принадлежу его владельцу до тех пор, пока не исполню три желания. Вот только как это сделать, когда хозяева постоянно меняются?

Содержание

1	4
2	21
3	33
4	50
5	64
6	81
7	97
8	113

Наталья Владимирова

Загадай желание в Новый год

1

Народная мудрость гласит: «Бойся своих желаний, они могут исполниться». И ведь знала, что Новогодняя ночь самая волшебная, но все равно легкомысленно загадала желание. И ладно бы какое-нибудь посредственное, вроде, повышения по службе или взаимной любви. Нет же! Мне всегда нужно все и сразу.

– Хочу способность исполнять любые желания! – выпалила я, на секунду всей душой поверив в новогоднюю магию, и под бой курантов сделала глоток пенящегося игристого вина.

За окном рванули петарды, разрываясь разноцветными искрами. Кто-то заголосил от избытка радости и алкогольных паров, послышались поздравления, смех, музыка.

– Ну, ты, мать, загнула! – хохотнула Маняша, грохнув по столу опустошенным фужером, и обвела осоловелым взглядом компанию девчонок.

– Зато честно, – возразила ей Иришка и громко икнула от торопливо выпитого шампанского.

– Думаете, сбудется? – неуверенно поинтересовалась Ленусик. Она принялась торопливо тушить свечи и собирать их в коробку.

– У Ириски нет, а у всех нас – обязательно! – категорично заявила Маняша. – Зря что ли мы так старались!

– Но Лара тоже с нами старалась. И зеркала вон для ритуала принесла, и шампанское купила, между прочим, не дешевое...

– ... и саботировала ритуал, – с явным недовольством в голосе завершила фразу Маняша. Мишура на ее голове смешно сползла на бок и топорщилась колючими блестками.

– Ничего не саботировала! – возмутилась я поклепу. – Может у меня желание такое.

– Какое такое? Жадина! Еще бы волшебную палочку пожелала.

– Растерялась. Не сообразила.

– Тьфу на тебя! – фыркнула подруга. – Раз в год все собрались вместе, а ты... Ну, не веришь в ритуалы, так хоть не мешала бы.

Я вздохнула. А ведь она права, действительно не верю. Наверное, поэтому и желание загадалось дурацкое.

Когда девчонки позвали меня отметить с ними Новый год, я с удовольствием согласилась. Какие могут быть сомнения? Семьи нет, парня тоже. Да и празднование планировалось особенное, со старинным ритуалом. Им, как утверждала Маняша, с ней поделилась прабабка. Якобы подобным образом

можно загадать желание лишь раз в жизни, но зато результат гарантирован.

К Новогоднему вечеру мы готовились тщательно, не только собирая нужные атрибуты для волшебства, но и заранее продумывая заветные желания. Признаюсь, что отнеслась к затее легкомысленно, скорее, как к милому мероприятию со сказочной, таинственной атмосферой. Мечты... Их у меня много, и все самые-самые. Любовь, парень, интересная работа, деньги, семья... Я не стала мучиться и решила, что в нужный момент скажу первое пришедшее в голову. Вот и ляпнула.

– Ладно, чего уж теперь, – миролюбиво отозвалась Иришка и протерла со стола пепел от сгоревших листов с ритуальными записями. – Пойдемте в зал отмечать Новый год. Мама для нас столько вкусностей наготовила.

Девчонки потянулись за хозяйкой квартиры, а я направилась к выходу. Что-то мне было нехорошо. И это с одного бокала вина? Или виноваты свечи и дым от сжигания бумаги? Неважно. Нужно немного проветриться.

Я наскоро надела сапоги и накинула полушубок. Голову наспех прикрыла шарфом, его пестрая расцветка смотрелась на моих русых волосах гораздо интереснее любой шапки. Предупреждать никого не стала – зачем тревожить? – все равно скоро вернусь. На улицу вывалилась уже в полубомбочном состоянии. Всюду шум и веселье. Морозец нежно покусывал за нос и щеки, подбивая празднующий люд ше-

вельтесь активнее. Яркие запахи мандаринов и пороха от салютов, казалось, пропитали округу. Иллюминация, толпы подвыпившего народа, оранжевая кожа вперемешку с конфетти на белоснежном покрывале матушки-зимы – последнее, что запомнилось мне в тот вечер.

Меня качнуло, и я, ловя равновесие, выставила перед собой покрасневшие от холода руки. Они медленно таяли на моих глазах. Я перевела испуганный взгляд на ноги, но и они теряли четкость, как, впрочем, и чувствительность. Уши заложило.

Я погрузилась в темноту. Ни запахов, ни звуков, ни ощущений. Один страх, накрывающий меня слой за слоем. Где я? Кто я? Что со мной? Бесконечные вопросы без ответов.

В самый пик ужаса, когда уже казалось, что разум, того и гляди, покинет меня, в глаза ударил поток света, заставив крепко зажмуриться.

– Ох, вах, как же кому-то повезло. Очередная глупая лисси попала в собственную ловушку, – глухо проскрежетал старческий голос. Он шел словно издалека и в то же время со всех сторон одновременно.

Я осторожно приоткрыла глаза. Зеленый туман и свет ото всюду. Хотя, нет, вот здесь что-то закрывает освещение темным пятном. И если хорошенько приглядеться, то сквозь изумрудную муть можно рассмотреть... глаз! Мамочка!

Я дернулась и попыталась отползти подальше от ужасного видения, но, как и бывает в кошмарных снах, руки и но-

ги скользили по гладкой поверхности, не позволяя мне ни на миллиметр отодвинуться от того, что наполняло все мое существо животным страхом. Огромный человеческий глаз с белесой радужкой и сеткой багровых капилляров смотрел прямо на меня. Я отчаянно барахталась, следя за приближением гигантского ока, который в свою очередь, не моргая, с жадным любопытством наблюдал за мной.

Наконец, я замерла в ожидании самого ужасного, и... глаз отодвинулся, а потом и вовсе отдалился настолько, что стало понятно – он не сам по себе. Передо мной появились очертания старухи. Грушевидный пористый нос с волосатой бородавкой, тонкие синюшные губы и острый подбородок с дряблой повисшей на нем кожей. И рука, сжимающая в тонких узловатых пальцах... Я подняла голову. В груди сжался узел. Старуха держала горлышко пузырька, в котором я сидела!

Руки и ноги снова заскользили по стеклянному доньшку и бокам сосуда. Как я сюда попала? Что случилось? И как мне отсюда выбраться?

С большим трудом я все-таки поднялась на ноги и уперлась руками в пробку флакона.

– Не трудись, не сбежать тебе, – как-то невесело отозвалась старуха на мои жалкие потуги. – Попала ты сюда по собственной воле, загадав желание о всемогуществе. Только забыла, что все в жизни имеет свои рамки и условия. Представляешь, какой начался бы хаос, получи кто безграничную власть над мирозданием?

– Но я совсем не это имела в виду, – проблеяла я и поняла, что меня не слышно из закрытого пузырька. Меж тем старуха продолжала бормотать, поставив мой сосуд на полку с разноцветными баночками и колбочками.

– Как думаешь, кто может исполнять любые желания? Правильно – линси.

Кто такие? Первый раз слышу.

– Подневольные существа, могут все, сила их безгранична, – продолжила старуха, будто подслушала мои мысли. – Только себя освободить не могут. И отныне это твоя судьба.

Что??? Она хочет сказать, что я попала в рабство?

– Слушай сейчас внимательно, глупая несчастная линси. – Старуха зыркнула на меня, убедилась, что я не свожу с нее глаз, и уселась в кресло-качалку. – Отныне ты наделена великой силой. Линси служат людям. Исполняют их заветные желания. Если конкретнее – три желания. Выполнишь – и освободишься, вернешься в свой мир, откуда пришла. А до тех пор будешь привязана к своему сосуду. Трудись, Линси, наслаждайся способностью исполнять желания, – она усмехнулась, – может однажды повезет и тебе. А сбежать даже не пытайся, не выйдет, достаточно хозяину стукнуть донцем сосуда, как ты вернешься в свое обиталище. Ни отменить чары линси, ни разбить свое жилище ты не можешь. И да, без разрешения хозяина не выйдешь наружу.

Старуха задремала, а я задумалась. Что все-таки со мной произошло на самом деле. Вино оказалось паленым, и я

схлопотала острое отравление? Или, поскользнувшись, упала и здорово ударилась головой? А быть может, по мне жакнула новогодняя петарда и сейчас я умираю в реанимации?

Верить, что стала джинном из лампы, разумеется, не собиралась. Но проходили дни, за ними недели, а я все сидела в мутном зеленом пузырьке и сходила с ума от безделья.

Постепенно паника и ужас, застилающие разум, уступили место апатии.

За стеклом мне не было ни холодно, ни жарко. Голод и жажда не мучили, как и прочие природные потребности. Словно, я действительно стала эфемерным существом, не нуждающимся в привычных вещах. Единственное, что меня одолевало – скука.

Хотя вру, еще меня раздирала жажда мести той, что поймала меня в свою магическую ловушку. Я затаилась и терпеливо ждала своего часа, когда смогу выбраться из пузырька и воздать по заслугам коварной ведьме.

А вот старуха, казалось, про меня напрочь забыла. Она спокойно жила, варила снадобья для редких посетителей своей лавки, на досуге почитывала огромную книгу, установленную на деревянном пюпитре, но все чаще дремала в кресле-качалке под теплым вязаным пледом.

Так закончилась зима, а за ней и весна. Смену сезонов мне удавалось наблюдать в кусочке окна. Он виднелся из-за прочих склянок, располагающихся на полке рядом с моим сосудом. Но я была рада и той малости, лишенная других

развлечений.

Все изменилось в тот день, когда в лавку вошел важного вида мужчина с пронзительно-черными глазами. Высокий, широкоплечий. Его осанка выдавала знатное происхождение, а дорогие одежды – немалое состояние. Он разговаривал с ведьмой тихо, сквозь зубы, поэтому я смогла слышать лишь несколько слов: «желание», «линси» и «договорились». На прилавок упал увесистый кошель, в котором звякнули монеты.

Старуха низко поклонилась, проворно схватила деньги и спрятала их в карман под фартуком.

– Сейчас принесу, илор, – заискивающе прошуршала она и метнулась к полке с пузырьками.

Мое сердце пропустило удар. Неужели пришло мое время? Я и жаждала этого момента, и немного боялась.

Ведьма действительно протянула руку к моему пузырьку и осторожно сняла с полки.

– Прошу, илор, – она поставила сосуд на прилавок и поклонилась. – Исполнит любое желание. Для себя только ничего сделать не может, да еще других линси создать.

– Я в курсе, – надменно бросил мужчина. Мой пузырек сначала утонул в крупной ладони, а потом в кармане пальто.

Я несколько раз перевернулась вместе с сосудом и, неловко упав на бок, больно ударилась. Это что еще за небрежное отношение к волшебству? Напыщенный индюк считает, что может купить за свои деньги все на свете?

До дома мужчина добрался минут за пятнадцать. Запершись в кабинете, он достал пузырек и принялся пялиться в мутное стекло. Соболиные брови оживленно реагировали на какие-то его мысли, красивые губы мечтательно улыбались.

Рассматривает меня? Я пригладила и без того аккуратнo лежащие локоны. Несмотря на полное отсутствие возможности ухаживать за собой, стыдиться за собственный вид мне не приходилось. Волосы и одежда оставались в прежней чистоте и опрятности.

– Вот, значит, ты какая, линси, исполнительница моих желаний. – Его пристальный взгляд обжигал, заставлял чувствовать себя обнаженной и уязвимой.

Не выдержав, я показала мужику язык и поплотнее закуталась в полушубок.

– Бестолковая девчонка, – сделал вывод он, презрительно скривив губы. Его глаза сузились в тонкие щелки. – Надеюсь, отсутствие ума у линси никак не влияет на осуществление желаний.

Он отправил пузырек вместе со мной в ящик стола и запер на ключ. Долгое время ничего не происходило. Я лежала на стеклянном дне сосуда в кромешной темноте и то спала, то очнувшись, мечтала о возвращении домой. Эх, и почему я не ценила свою прошлую жизнь? Желания мне захотелось исполнять. Получи и распишись.

Первое волшебство, в отличие от бесчисленных последующих, врезалось мне в память надолго. Черноглазый извлек

пузырек на свет и, хорошенько встряхнув, повелел:

– Хочу место в палате советов.

Собрав в кучу руки и ноги, я попыталась сделать то же самое и с мыслями. Что этот сноб от меня хочет? Желание? Он загадал желание, правда? Наконец, я получила шанс сделать первый шаг к своему освобождению!

Перед моими глазами замелькали картинки с возможными вариантами исполнения чужой мечты. Один из членов палаты внезапно умирает от инфаркта и освобождает место, на которое метит черноглазый. Другого разбивает паралич. Кто-то попадает в тюрьму по ложному обвинению... Погибает на дуэли... Под колесами экипажа становится инвалидом... Оказывается в эпицентре скандала, очерняющего его доброе имя...

Ааааа! Мамочка родная!

И я должна выбрать что-то из подобного ужаса? Меня затошнило от омерзения. Неужели нельзя по-другому?

– Заснула что ли, линси? – недовольно процедил мужчина и потряс пузырек. Я пару раз перекувыркнулась через голову и приземлилась на шею. В человеческую свою бытность точно сломала бы, а сейчас ничего, лишь отделалась ушибами, да раскорячилась перед черноглазым в самом неприглядном виде: с задранными ногами и пышными воланами юбки на голове. И дернуло меня на Новый год надеть соблазнительный наряд, вместо практичных и удобных джинсов!

– Пошевеливайся, козявка, – приказал мужчина и с гром-

ким стуком шлепнул пузырек на стол.

Злобный упырь! И вот для него я должна исполнять желания? Хотелось послать его куда подальше, но вовремя вспомнилось, что мое магическое рабство имеет границы. Всего три желания, и я свободна.

Пришлось снова прикрыть глаза и старательно пересмотреть варианты, при которых упырь мог бы оказаться в палате совета.

Нашла! Один из членов совета принимает взятку и освобождает свое место в пользу дальнего родственника – черноглазого. Хлопок в ладоши. В ушах зазвенела сотня колокольчиков. А когда звук стих, в кабинет влетел запыхавшийся мужичок.

– Илор Крокус, хорошие вести. Илор Весен принял-таки деньги и уступил вам место в палате советов! – отрапортовал он с порога, вытирая влажную лысину.

– Так быстро? – восхитился упырь, соскакивая с кресла и судорожно сжимая край столешницы побелевшими от напряжения пальцами.

– Быстро? Почти год уговаривали... – растерялся мужичок, топчась у распахнутой двери. Он скользнул рассеянным взглядом по столу и заметил мой пузырек. В глазах промелькнуло понимание.

– Я не об этом, Влас, – отмахнулся илор Крокус и довольно крякнул. – Свободен. – И, уже разговаривая сам с собой, прошептал: – Теперь весь мир будет в моих руках.

Оставшись наедине, он, как и в прошлый раз, снова принялся всматриваться в мутную зелень стекла, сверля взглядом, будто пытаясь отгадать, что у меня внутри. Бррр.

– Я таких дел наворочу, – пообещал он вполголоса, не сводя с меня угольно-черных глаз.

Наверняка он осуществил бы свое намеренье, но судьба распорядилась иначе. Из ящика стола в следующий раз меня достал уже не илор Крокус, а Влас. Тяжело дыша, он дрожащими влажными пальцами извлек мой пузырек на тускло разливающийся от камина свет и тут же убрал в свой карман. Я только и успела, что заметить без чувств развалившегося в кресле черноглазого. Из уголка его синюшных губ стекала по точеному подбородку алая струйка.

Так началась моя кочевая жизнь из рук в руки, из кармана в карман, от одного «хозяина» к другому. Люди из-за меня убивали и воровали, шли на обман и шантаж. Мне почти не приходилось исполнять желания, так как обладатели магического сосуда зачастую попросту не успевали что-то загадать. Меня отнимали друг у друга, теряли и находили, покупали и выменивали. Причем, пол, возраст и положение в обществе не имели никакого значения, стать хозяином волшебства и возможности получить все, что угодно, не хотел только тот, кто ничего не знал о линси.

Меня больше никто пристально не рассматривал. Сама по себе я никого не интересовала, всем требовались лишь мои магические способности. Люди торопливо шептали над пу-

зырьком свое желание, а я также торопливо выбирала вариант его исполнения, наиболее этичный и наименее разрушительный. Мне совсем не хотелось, чтобы меня трясло словно выпавшую осадком настойку, как, впрочем, и радовать своих «хозяев» я тоже не рвалась.

Так, например, однажды молодая элегантная женщина потребовала устранить ее престарелого мужа, стоящего на пути к счастью с любовником. Нет, я не стала убивать несчастного супруга, а подкинула ему всепоглощающую головокружительную страсть. Старик развелся с неверной женушкой, оставив ту без гроша в кармане, и женился на предмете своей поздней любви.

А в другой раз глава бандитской шайки вознамерился услышать свое имя в качестве губернатора города. Перед моими глазами пронеслись картинки моря крови и невинных жертв. К сожалению, совсем отказаться от своего магического предназначения я не могла – стоило мне непозволительно долго замешкаться, и выбор делался практически без моего участия, ладони сами хлопали и результат оказывался непредсказуемым. Но не в этот раз. Ларчик просто открывался. Хлоп! И... губернатором стал тезка бандита. А все потому, что нужно четче формулировать свои желания.

О да, развлекалась я вовсю, лишённая обычных человеческих удовольствий, зато наделенная силой линси.

Однажды я случайно попала к студенту, долговязому парню с прыщавой кожей и длинным носом. Карманный вориш-

ка постарался. Вытащил меня из сумочки илеи и тут же запустил руку в студенческую торбу, пытаясь нашарить что-то ценное среди учебников и бутербродов. Пузырек выскользнул и упал на дно сумки. А дома счастливый студент нашел линси и тут же загадал гениальное: «Хочу, чтобы все женщины меня хотели». Я чуть живот не надорвала от смеха и еще сутки икала. Сосуд он поставил на подоконник, предоставив мне отличный обзор и на свою комнату, и на улицу. Как красиво убежал и уворачивался парень от возбужденных дамочек района и их мужей! Призеры легкой атлетики и художественной гимнастики позавидовали бы. Вторым желанием стало: «Пусть меня хотят исключительно те, кого хочу я». Да без проблем! С моей подачи молодой человек увлекся учебой и своей будущей карьерой. Я потирала руки в предвкушении – вот-вот парень должен был почувствовать подвох и загадать третье желание, чтобы вернуть свою страсть к женскому полу. Но увы, магический сосуд банально стащили из его комнаты.

Моим волшебством мало кто был доволен. Оно и понятно, истинные потребности гнилых душонок не удовлетворялись. Впрочем, за пролетевшие, как дурной сон, два сезона мне ни разу не попался ни один порядочный человек. Вернее, не так. Люди становились из добрых и благопристойных граждан в отъявленных мерзавцев, стоило моему пузырьку попасть в их руки. Перспектива безграничных возможностей, власти и денег не оставляли равнодушным никого.

За каких-то полгода я настолько возненавидела человечество, что уже сомневалась, хочу ли вернуться домой. Быть может, лучше вместе с пузырьком пропасть где-то в морской пучине? Или провалиться в самое глубокое на планете ущелье... Сгореть в жерле вулкана... Оказаться спрятанной в сундуке с сокровищами, а координаты заветного места на карте смыл бы дождь...

Какой смысл жить среди людей и бояться, что тебя в любой момент предадут ради сомнительных благ? Я и раньше относилась к окружающим с толикой недоверия. Не то, чтобы сторонилась или ждала подвоха, но держала знакомых на определенном расстоянии, не сближалась и не заводила друзей. Просто не могла открыть душу и сердце после того, как многочисленная родня отправила меня в детдом. И ради чего? Чтобы, обманув закон, присвоить наследство, оставшееся от моих погибших родителей.

Теперь же, пройдя через бесчисленное количество рук, я и вовсе разочаровалась в человечестве.

Поэтому, когда меня в очередной раз потеряли после кровавой потасовки, я здорово обрадовалась. Пузырек закатился в щель старого разваливающегося дома и упал на мягкую подстилку из прошлогодних листьев. Рядом лежали алебастровые шарики, которыми любила играть детвора, мелкие монетки, бусинка и простенькое колечко. В общем все то, что в темноте переулка по недосмотру хозяев «убежало» и оказалось в местечке, куда вряд ли кто в ближайшее время загля-

нет. Я с облегчением выдохнула и приготовилась к долгому бездействию и спячке.

Однако не прошло и недели, как мальчишка проворонил свой алебастровый шарик, и тот укатился в щель. Ребенок оказался внимательным, поэтому видел, какой путь продела-ла его игрушка. Следом за шариком в отверстии появилась детская ладошка, она усердно шарила в поиске пропажи и наткнулась на мой пузырек. Меня снова нашли.

– Даль, Даль, смотри, что у меня есть! – Мальчишка раскрыл ладонь, и мне показалось, что сейчас ослепну, настолько ярким обрушился на меня свет после приятного полумрака моего убежища.

На самом деле в городе выпал снег. Белый-белый. Это он искрился на солнце, еще совсем не тронутый грязью людских ног, девственно-чистый и легкий, словно пух.

– Чужое нельзя брать, Алон, ты же знаешь, – строго отозвался мужской голос – посмотреть на него я не могла из-за слезящихся глаз. Впрочем, не особо и хотела. Что я там не видела? Сейчас мужчина поймет, что имеет дело с линси и...

– Это не чужое! Вернее, чужое, но у него нет хозяина. Я нашел это вон там. И оно... та-а-ако-о-о-е!

– М? Дай-ка гляну. – Тот, кого мальчишка называл Далем, осторожно взял пузырек в руки. Его лицо приблизилось, и я рассмотрела приятный овал лица, синие глаза, бледные веснушки на прямом носу и по-детски пухлые губы.

Пузырек дернулся, когда парень обнаружил за зеленова-

тым стеклом меня. Густые ресницы удивленно захлопали.

– Там девочка, да? Даль, фэйри, да? – подсказал мальчишка, выныривая у мужчины из-под руки. Его широкая, усыпанная сочными канапушками мордочка не сводила с меня любопытных глаз.

– Кажется, да, – неуверенно ответил Даль и закусил губу, явно призадумавшись, что со мной делать дальше.

– Мы возьмем ее себе, Даль? Правда? Ну, скажи, что возьмем! Да? Пожалуйста!

– Не можем же мы ее выбросить или просто оставить там, где нашли. Как-никак зима, – пробормотал Даль.

Ну, да. Конечно. Вдруг волшебная «фэйри» замерзнет. Я фыркнула и закатила глаза. Что за нелепые оправдания?

Мой сосуд с превеликой осторожностью поместили в вертикальном положении в нагрудный внутренний карман, а спустя час выставили на прилавок перед уже знакомой мне ведьмой. Неужели лопух Даль решил меня продать моей же рабовладелице? Во дает!

2

– Уважаемая, быть может, вы знаете... Ох. Ума не приложу, к кому обратиться с подобным вопросом... Мм. Говорят, вы немного волшебница, вот. – Даль мялся и с трудом подбирая слова.

– Спрашивайте, молодой человек, не нужно робеть, спрашивайте. Речь об этом? – ведьма наставила на меня длинный узловатый палец.

– Да, – с облегчением выдохнул парень. – Не подскажите ли, кто это? И почему... девушка в сосуде?

– Аaaa! – Расплылась в радостной улыбке старуха, обнажая на удивление крепкие и белые зубы. Ну, точно встретила свою добрую знакомую. – Линси!

– Линси? – удивился Даль. – Разве они существуют?

– Как видите.

– Я думал, это детские сказки. И... они действительно подневольные?

– Да. Сказки не врут. Линси исполняют желания своих хозяев. А точнее – три желания.

– Хозяев? То есть, эта конкретная линси кому-то принадлежит... – Кажется, его голос потух. Ха! Уже расстроился, что надо бы меня отдать?

– Разумеется. И сейчас она принадлежит вам, уважаемый, – подтвердила старуха.

– Мне? Но как?

Он действительно лопух? Или с какой-то определенной целью играет невинного агнца?

– У кого сосуд, тот хозяин линси.

– Но я его нашел... Вернее, даже не я, а младший брат.

– Неважно каким образом к вам попал сосуд. Сейчас он ваш. Как и линси.

Он растерялся? Похоже, старуха это тоже заметила, а потому добавила:

– Берегите ее молодой человек. Она – редкая ценность, глупо подобным чудом разбрасываться. Многие хотели бы иметь возможность исполнить свои самые заветные желания.

– Я понимаю. – И где, мне любопытно, радость в голосе и трепет вожеления своей мечты? Парень просто стоял и пялился на меня, не решаясь забрать с прилавка.

– Позволю себе маленький совет. Не хвалитесь ею перед друзьями, не показывайте сосуд знакомым, не рассказывайте про линси близким. Люди слабы, многие захотят забрать у вас ваше сокровище. Не подвергайте дорогих вам людей соблазну и опасностям.

– Хорошо. Спасибо за совет, уважаемая.

– И братцу не вздумайте отдать или рассказать. Линси – не игрушка. Не стоит зазывать беду в свой дом.

– Ясно. Не подскажите ли еще... – Ожил? Появились вопросы? – Как ухаживать за линси? Что она ест? Чего не лю-

бит?

Мы со старухой с одинаковым недоумением воззрились на Даля. Он шутит?

– Ей совсем ничего не требуется, – осторожно ответила старуха, уже иначе поглядывая на парня. – Она – волшебное существо.

– А свобода?

– Она ее обретет, как только исполнятся все три желания одного хозяина. По-другому никак.

– А если загадать ее освобождение?

– Не выйдет. До поры до времени жизнь в магическом сосуде ее удел.

– Линси нельзя выпускать из сосуда?

– Можно. Но зачем? Он дает ей все, что только требуется для существования.

– Девушке, наверное, невероятно грустно одной в стекляшке.

– Она не девушка, а всего лишь иномирная оболочка для магии. И это ее судьба.

Именно так ко мне все «хозяева» и относились, как к телу, творящему волшебство. Ненавижу ведьму! Почти год прошел, а я все еще ее ненавижу! Да что там, кажется, злость во мне все сильнее вскипает с каждым днем.

– Понимаю, но все же. Что, если выпустить ее?

– Пожалуйста! Далеко от своего хозяина она убежать не сможет. Вам, уважаемый, лишь прибавится хлопот, придется

кормить, выделить место для сна. Накладно выйдет. Со всем уважением, но с деньгами, как я посмотрю, у вас не густо.

– Так и есть. И все-таки она – живое существо.

– Как знаете. Дело ваше, уважаемый. Вы теперь ее хозяин, вам и решать. Дадите разрешение – сможет выйти.

Даль поблагодарил ведьму и, забрав пузырек со мной, покинул лавку.

Старые обои, отстающие от деревянных стен, кованая кровать, небольшой шкаф и обычный стол – вот все, что предстало передо мной, когда молодой человек снова достал меня из нагрудного кармана. Не густо.

– Надеюсь, вас не растрясло, пока я шел, – смущенно пробормотал он и поставил мой пузырек на стол. Сам Даль расположился напротив меня на кровати. Его руки одна за другой пригладили растрепавшуюся темно-каштановую копну волос. – Вы меня слышите?

Я посмотрела на парня, как на идиота, и он без слов понял, что сглупил.

– Конечно, слышите, как иначе вы могли бы исполнять желания. Наверно нужно спросить по-другому. Вы можете мне отвечать?

Я задумчиво посмотрела на Даля. Первым порывом было показать неприличный жест, красноречиво вещающий, куда ему следует пойти со своими вопросами. Я не один раз пыталась установить со своими хозяевами контакт, мечтая получить хоть капельку внимания. Но быстро рассталась с ил-

люзиями, что хоть кому-то интересна. Сейчас же парень сам предлагал пообщаться, однако у меня на то не возникало никакого желания. Перегорело, видимо.

– Вы могли бы кивнуть, если понимаете меня, – заметил Даль и с надеждой посмотрел мне в глаза.

И зачем, интересно, мне это нужно?

– Быть может, вы захотите выйти из своего сосуда? Я разрешаю.

А смысл? Для чего покидать уютную обитель, где нет ни жажды, ни голода, круглый год идеальная температура и полная безопасность? Если только ведьме отомстить, но ведь далеко от хозяина я уйти не могу.

Я с подозрением взглянула на Даля. Что он задумал? Выманить меня наружу и пытками заставить исполнить свои желания без подвоха? Обойдется! Не стану с ним ни разговаривать, ни тем более выходить из пузырька.

– Значит, не хотите, – вздохнул Даль, правильно истолковав мой презрительный взгляд.

В коридоре послышался топот детских ножек. Дверь в комнату распахнулась и жახнула по стене. С потолка посыпалась штукатурка. Мальчишка лет шести, который ранее нашел мой пузырек, запыхавшись вбежал в комнату. Он настолько торопился, что не смотрел под ноги, запнулся о порог и, падая, полетел вперед. У меня сработали инстинкты, вытянув руки, я бросилась ловить малыша. Сама не заметила, как выпрыгнула из сосуда. Правда, моя помощь не по-

надобилась. Даль успел на секунду раньше меня. Подхватив мальчонку, он, не ведая того сам, закрыл меня своей широкой спиной от любопытных глазенок.

– Что случилось, Алон? Ты чего так торопишься, что чуть шею себе не свернул? – в упреке брата звучали забота и переживание.

– Даль, там та-а-ако-о-ое! – рвано сообщил мальчишка, как только немного отдышался.

– Что еще?

– Во-о-от! И во-о-от, – малец руками пытался обозначить размер чего-то крупного.

– Что?

– Елка! На площадь елку привезли. Во-о-о-от такую-у-ую! – Схватив Даля за руку, Алон потянул его вон из комнаты.

Парень пытался обернуться, но мальчишка нетерпеливо дергал брата – торопился показать елку, которая, если я не ошибаюсь, будет не меньше месяца еще стоять на той самой площади. Умора.

Дверь закрылась, отрезая меня от братьев.

Как странно. Новый год. Опять тот самый праздник, исполнивший мое желание. Прошел всего лишь год, а ощущение, будто целая жизнь. Впрочем, почти так и есть. Сколько чужих судеб, кровавых расправ и преступлений пронеслось перед моими глазами! Столько мне за все, как выяснилось, вполне благополучное прошлое не доводилось видеть даже

В новостных сводках.

Я обвела глазами скромную комнату моего нынешнего хозяина. Что я здесь делаю? Не лучше ли вернуться в сосуд? Хотя... Что мне терять? От монстра я в любой момент могу сбежать в свой пузырек. А если Даль не совсем конченный человек... быть может, общими усилиями мы исполним-таки, наконец, все три желания, и тогда я обрету свободу.

Решено! Остаюсь.

– О! Линси. Вы вышли. – Вернувшийся Даль застыл на пороге. Его взгляд пробежал по мне от макушки до набоек на каблуках и смущенно уперся в пол. – Сейчас принесу вам более подходящую одежду.

Он снова скрылся за дверью, а я оглядела себя. Кроличий полушубок нараспах не скрывал блестящий топ в обтяжку, пышная юбка выше колена лежала красивыми воланами, аккуратные сапожки на шпильке подчеркивали стройность ног. Что с моим внешним видом не так?

– Вот. Это покойной матушки, – Даль принес стопку вещей из серой ткани и положил на кровать. – Возможно, не модное, но все чистое и в хорошем состоянии. А самое главное – теплое. Я подожду за дверью, пока вы переоденетесь.

Я перевела растерянный взгляд на вещи и принялась их разворачивать. Панталоны, мягкий корсет, теплые чулки и длинное, чуть выше лодыжек платье. Теперь понятно, чем парня не устроил мой наряд. В этом мире, наверное, даже продажные женщины скромнее одеты, чем я сейчас. Накла-

дочка вышла.

Что ж, переоденусь, мне не трудно, раз парень не может нормально общаться с «полуголыми линси».

– Я все! – громко сообщила и в который раз оправила корсет на шнуровке. До чего неудобная штука!

Даль появился, и снова опустил глаза в пол. Ну точно скромница на своих первых в жизни танцах. Вон, светлая кожа даже румянцем покрылась.

– Что на этот раз? – осторожно спросила я, недоумеваю, в чем могла проколоться.

– Пуговицы, – смущенно подсказал Даль и жестом показал на себе, покрутив рукой перед грудью.

О, ужас! Две пуговицы на вороте одолженного мне платья оказались бесстыдно расстёгнуты. Пуританин!

– Готово, – отчиталась я, приведя в порядок одежду.

Только тогда Даль посмел оторвать глаза от пола и остановиться на мне.

– Разрешите представиться, уважаемая... или илея? – споткнулся он на форме обращения.

– Неважно, – равнодушно отозвалась я и махнула рукой. – И представляться тоже не обязательно. Вы – Даль, мой новый хозяин, – последнее слово я выплюнула с отвращением, что не прошло незамеченным для парня. Он поморщился, но тут же поторопился натянуть вежливую улыбку.

– А вы?

– Что я?

– Как мне вас называть?

– Линси? – предположила я.

– Но это не имя.

– Вы собираетесь звать меня по имени?

Неужели я впервые встретила человека, которого не раздражает от важности и вседозволенности, обретя линси? Его действительно интересует мое имя?

– А почему нет?

– Я – Лариса, – представилась я, а потом вспомнив, как меня частенько трясли в пузырьке, требуя немедленного подчинения, благоразумно добавила, – хозяйин.

– Красивое имя. – Даль прикрыл глаза, будто смакуя звуки. – Лариса. Звучит так... словно карамелек полон рот.

Я фыркнула. Скажет тоже.

Он тепло улыбнулся в ответ, и мне стало не по себе. Точно пускает пыль в глаза! Сейчас как нагадывает жутких желаний, одно кошмарнее другого.

– Лариса, – продолжил он, не ведая о моих нехороших подозрениях на его счет, – не зовите меня, пожалуйста, хозяйном. Просто Даль, договорились?

– Слушаюсь, хозяйин просто Даль. – Каюсь, не удержалась. Даль вздохнул. Понял, что издеваюсь?

– Может, перейдем на ты? – с надеждой предложил он, стараясь убрать напряженность, возникшую между нами.

– Давай, – согласилась я. Как-то раньше люди проявляли большую расторопность в загадывании первого желания. –

Не хочешь рассказать, зачем понадобилось вытаскивать меня из сосуда и переодевать?

– Ах, это. Мне показалось, что в сосуде не очень уютно. А здесь... все же теплее в шерстяной одежде, да и меньше внимания привлечешь...

– Об этом я как раз догадалась. Меня интересует другое. Какое отношение все это имеет к желаниям? И... Собственно, сами желания не собираешься загадывать?

– Ну почему же... Такая возможность... – О! Выходим на финишную прямую. – Просто я всегда рассчитывал на себя самого. Не так просто сориентироваться.

– Подсказать? – с усмешкой спросила я, а, поймав его заинтересованный взгляд, бросила: – Деньги.

О да! Это желание мне загадывали чаще всего. Деньги. Много, очень много денег. Иной раз жадность хозяев зашкаливала настолько, что сводила их с ума. Только закажи, миленький, денег, и я уж постараюсь напакостить тебе наилучшим образом.

– Нет, – неожиданно отказался Даль. Неужели мое выражение лица выдало готовящийся подвох? Или он сам по себе не дурак?

– Мне показалось, что ты в них нуждаешься.

– Нуждаюсь, ты права. Но сами деньги имеют свойство заканчиваться, теряться, обесцениваться. Не думаю, что стоит их загадывать.

Значит, не дурак.

– На самом деле я хочу...

Мм. Подбираемся к самому интересному. Что-то он все-таки хочет?

– Хочу...

Ну. Ну же!

–...Но не могу сформулировать в желание, – вымученно закончил Даль.

Во дает! Мне что? Еще за него и желание придумать?

– И что делать будем?

– Подождем? – Предложил с надеждой Даль, а, заметив, что меня подобная перспектива не особо вдохновила, тут же добавил: – Я понимаю, ты хотела бы поскорее стать свободной, но других двух желаний все равно пока нет.

Я закатила глаза. Ну, вот и выяснилось, зачем требовалось меня наряжать в местные одежки – еще невесть сколько придется ждать, пока парень созреет на желания.

На самом деле, не удивительно. Необычная удача, о которой он и не смел мечтать, свалилась неожиданно. Тут кто угодно растеряется.

– Я постараюсь не тянуть с этим делом. – И улыбнулся с грустинкой. Я даже на пару секунд поверила в его искренность. До чего хитер!

Ладно, попробую не раздражаться. Надеюсь, он вскоре определится и не профукает магический сосуд за время своих раздумий. Кто бы знал, как мне надоело кочевать из рук в руки без возможности осуществить все три желания.

– Хорошо. А можно узнать, о чем речь? Мы могли бы вместе... – И зачем, спрашивается, мне это нужно? Не собиралась же вмешиваться!

– Правда? – воодушевился Даль. – Подсказка от самой линси мне не помешала бы.

– Правда, – буркнула я, злясь на саму себя. Все-таки развел он меня на помощь. Эх, я.

– Тогда пойдем вниз, я покажу.

3

Парень открыл передо мной дверь в коридор и придержал, пока я выходила.

Темнота, разбавляемая одним единственным светильником. Пять дверей и лестница вниз. Кажется, раньше семья Даля не бедствовала – стены обшиты хоть и потертой, но все еще красивой тканью, ряд пустых навесных канделябров, темнеющие прямоугольники от снятых картин.

– Дедова лавка пять лет назад пользовалась большой популярностью. В предпраздничные дни на первом этаже было не протолкнуться, – словно отвечая на мои мысли, принялся рассказывать Даль. – Но смерть моей матушки подкосила деда. Он стал все чаще болеть, а потом и вовсе слег. Поначалу я справлялся и неплохо заменял его, но, когда на противоположной стороне площади появилась похожая лавка, не смог выдержать конкуренции. Да и на лекарства требовались большие деньги. Многие ценные вещи пришлось продать, чтобы покрыть долги. Лавку закрыл. С тех пор зарабатываю, чем придется.

По удобной лестнице с резными перилами мы спустились на первый этаж. Даль легонько толкнул ближайшую дверь, и передо мной открылся огромный торговый зал. Темный и пустой. Запыленные полки и пол наводили тоску, но хуже всего выглядели окна. Большие, витринные и при этом неве-

роятно грязные, они еле-еле пропускали дневной свет. Там, за стеклом кипела жизнь. Наряженная к новому году площадь сияла разноцветными огнями, прогуливалась светская публика, разодетая в дорогие меха, элитные магазинчики и рестораны зазывали к себе посетителей пестрой рекламой и позолоченными вывесками. Все это настолько дико смотрелось из окон старой разорившейся лавки, что я невольно поежилась.

– Ты хочешь вернуть покупателей? Прежний доход? Былую славу лавке? – стала перечислять я предполагаемые желания, мысленно потирая ладони от предвкушения. Вот-вот он скажет: «Да! Все сразу», и я исполню. И прямо сейчас вернусь домой.

– Нет.

– Нет? – признать, я запуталась. – Тогда, о чем речь?

– Я хочу сам возродить лавку. Что толку в том, что она вновь станет на некоторое время популярной и доходной, если я снова ее угроблю за пару лет? Мне нужно научиться управлять с ней самостоятельно.

– Тогда чего ты хочешь от меня? Убрать конкурентов?

– Нет, конечно!

– Сделать приворот покупателей?

– Ни в коем случае! Любой приворот разъедает душу, ты навредишь невинным людям!

– А что?

– Пока не знаю. Тут не все так однозначно, как может по-

казаться. Понятно, что мне потребуется помощь. Но какая именно, извини, сейчас я не смогу озвучить.

– Ясно, – вздохнула я. Вот же засада!

– Может ты голодна?

Парень решил отвлечь меня едой?

– Не знаю, – честно ответила я. Как-то позабылись человеческие потребности меньше чем за год.

– Пойдем на кухню.

Почему бы и нет. Пожав плечами, я последовала за парнем. Кажется, все во мне начало просыпаться, в том числе и жажда жизни. Обратно в сосуд больше не хотелось. До жути. Я жадно вдыхала пыльный воздух с нотками древесины и ванили. Осматривала разоренный, но все еще крепкий дом. Наслаждалась движением собственного тела, пружинистым шагом, колыханием локонов у шеи и вдоль спины. Любая мелочь подмечалась мною с восторгом. Как ребенок, изучающий огромный и пока малознакомый ему мир, я на все смотрела с широко распахнутыми глазами. И мне это все больше нравилось.

– Присаживайся. – Даль галантно отодвинул для меня стул.

Кухня оказалась огромнейшей, впрочем, не удивительно, ведь в ней когда-то готовили на продажу. Но самое главное – чистой и уютной. Здесь не чувствовалось заброшенности, как в торговом зале и коридоре. Видимо, хозяин с братом проводили основную часть своего времени именно в кух-

не. Симпатичные зеленые занавески в белый горошек даже немного приподняли мне настроение.

Даль достал из корзины крупную луковицу. Несколько привычных движений, и по разделочной доске застучал кухонный нож, превращая головку в тонкие кольца. Я, признаться, засмотрелась. Рядом на плите в крупной сковороде зашкворчало масло. Парень, не глядя, бросил туда щепоть специй. По кухне поплыли умопомрачительные ароматы.

Руки Даля порхали, нарезаая, помешивая, добавляя ингредиенты. Причем, быстро и умело. А я с жадностью ловила каждый его жест, удивляясь, до чего обычное приготовление пищи в его исполнении походит на танец.

Чтобы развеять неуместную очарованность хозяином, решила заговорить хоть о чем-то.

– Какой странный огонь на плите.

– Магический, – с готовностью отозвался Даль, при этом ни на секунду не отвлекаясь от стряпни. – В твоём мире такого нет?

– Нет. У нас совсем нет магии.

– Серьезно? Тогда как...?

– ...я выполняю чудеса? Не знаю. Попав в сосуд, обрела способность. Сама поначалу была в шоке.

Он бросил на меня быстрый взгляд, в котором я успела уловить что-то похожее на вину. Странный. Можно подумать, что это он законопатил меня в пузырек и обрек на рабство.

– У нас бытовая магия дешевая, имеется даже в бедных

домах, – продолжил разговор Даль, торопясь обойти тему моего подневольного положения. – А вот чудеса посерьезнее стоят немалых денег. Среди высшего сословия за каждым сильным магом ведется настоящая охота.

– Старуха, которой ты меня показывал, живет себе спокойно и в ус не дует.

– Так она травница, а не магиня, ей-то чего волноваться. Травница? Да ладно!

– Это она засунула меня в сосуд и сделала линси.

– Ты ошибаешься. – Даль даже обернулся, чтобы посмотреть мне в глаза. – У каждой травницы есть волшебные сосуды. Делают они их из материалов, купленных у магов через десятые руки. Как туда попадают существа, наделенные магией, никто не знает. Известно лишь, что каждому сосуду нужны особенные условия, которые травницы умеют создавать.

Я фыркнула, не особо веря в слова парня.

– Тебе хочется кого-то ненавидеть, – скорее не спросил, а сделал вывод он. В его взгляде на меня появилось сочувствие, уверена, наигранное. – Я понимаю. Наверное, тебе пришлось нелегко. Но в нашем мире действительно много необъяснимых вещей. И существ. К примеру, я знал, что к травницам в сосуды иногда попадают гномы и фейри, но что линси тоже вполне реальны, даже не представлял.

Я отвернулась, тем самым прервав зрительный контакт. Он прав. Мне на самом деле нужен был объект для ненави-

сти, чтобы выжить, чтобы иметь прозрачную цель вроде мести. А что теперь? Старуха не виновна? Просто хранила пузырьки, а когда я оказалась в одном из них, еще и меня?

Я припомнила, что мой сосуд долго стоял на дальней полке и вовсе не выставлялся на продажу. Старуха отдала меня в тридорога илору, который сам пришел и спросил про линси. «Кому-то повезло», – всплыли в памяти слова травницы в день моего появления в пузырьке. А еще: «судьба» и «попала по собственной воле». Старуха считала причиной моей кабалы и обязанности служить людям руку провидения. И, само собой, мою личную ошибку.

Думать о подобном было страшно и горько.

– Ты повар? – сменила я тему, не желая больше продолжать неприятный мне разговор.

Даль понимающе кивнул и отвернулся к плите.

– Нет, – ответил он будничным тоном, будто и не было только что щекотливого разговора, – пришлось научиться готовить, когда матушки не стало. Дед занимался пекарней, а я взял на себя заботы о доме.

– У тебя ловко получается.

– Спасибо. Надеюсь, и на вкус не разочарую.

Я тоже на это надеялась. И не обманулась. Каша с овощами вышла сказочно вкусной! Вроде простая еда, однако ничего подобного я раньше не пробовала.

– Пища богов! – удовлетворенно выдохнула я, проглотив последнюю ложку. После сытной еды меня клонило в сон, но

я отчаянно таращила глаза, не желая отпавляться обратно в сосуд, как, впрочем, и напрашиваться на ночлег.

– Да-а-аль! – в кухню влетел маленький вихрь. Ни на что не обращая внимания, он прилепился к брату. Ручонки в за-снеженных варежках ухватили полы рубахи Даля и настойчиво дергали, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Алошка, прекрати, – взмолился парень. – Я слушаю тебя, слушаю.

– На елку шишки крашенные повесили и орехи. А еще огоньки разноцветные, говорят бытовики из столицы поработали. А возле елки горку поставят. Огро-о-омную! Уже снег наваливают. В новогоднюю неделю по вечерам обещают салют и музыку... Ой! – веснушчатый мальчишка, наконец, заметил меня и замер. Синие, как у брата глазищи удивленно захлопали, а улыбочивый рот изобразил нолик. – Здравсьте.

Он сбросил варежки с ладошек, смял пятерней шапку и стащил ее с головы. Вежливо кивнул.

– Здравствуй, Алон. – Я с не меньшим любопытством рассматривала мелкого, чем он меня. Сходство братьев бросалось в глаза, впрочем, и существенная разница тоже.

Младший уродился более ярким, его выразительные, острые скулы, темные канапушки и морковного цвета вихры не могли остаться незамеченными ни при каком раскладе.

Красоту старшего требовалось рассмотреть. Тонкие черты лица, светлая, гладкая, словно фарфоровая кожа, которую совсем не портили несколько бледно-персиковых веснушек,

темные волосы с благородным каштановым отливом не бросались в глаза, однако, если уж попали в поле зрения, то от них сложно было оторвать взгляд.

– Кто это? – зашептал мальчишка брату, будто я, находящаяся рядом с ними, совсем не слышала его.

Любопытно. Малец меня не узнал в платье местного кроя? Что, в таком случае, сказал ему Даль про пузырек с волшебной сущностью?

– Лариса. Я нанял ее только сегодня. Она будет жить с нами и помогать с лавкой.

– Правда?? – удивились мы хором с пацаненком и воззрились на Даля.

– А это мой младший братишка, Алон, как ты уже догадалась, – представил он мне мальчишку, как ни в чем не бывало.

Я затихла и переваривала новости про «будет с нами жить», а вот мелкому потребовались подробности, и молчать он не собирался.

– Нет, ты серьезно? У нас теперь есть своя помощница? И лавка скоро откроется? А как же деньги? Ты говорил, что мы не можем торговать хлебом из-за денег, а еще из-за соседней булочной лавки, – еще быстрее, чем до этого, зачистил малец.

– Деньги я немного скопил, муку Оран давно предлагал дать в долг. А соседняя булочная... – Даль посмотрел на меня. – У меня есть кое-какие идеи.

– И потом мы сможем купить мне самокат? – с надеждой спросил Алошка.

– Обязательно! – единственная фраза, произнесенная с непоколебимой уверенностью.

– А Улька? Если покупатели станут ходить в нашу лавку, то тогда Улька и ее бабушка станут такими же бедными, как мы сейчас? – сделал странные выводы мальчишка.

– Не думаю, – пробормотал Даль и спрятал глаза. Так вот в чем загвоздка! Ну, точно лопух. Он не просто никакущий коммерсант, но еще и горазд жалеть конкурентов. Теперь понятно, почему он не может загадать желание, при котором его лавка процветала бы. Ведь тогда неминуемо утонет бизнес соседки.

– У вас раньше была пекарня? – задала я вопрос, уже зная на него ответ.

– Да, – подтвердил Даль. – Дед пек хлеб, любимый всем городом. У меня, к сожалению, такой не получается.

– Зато у бабушки Ульки хлебушек такой пышный и мягонький, а корочка... Ммм... До чего вкусно! – прикрыв глаза, бесхитростно поведал Алошка.

– Ясно. Дед вынужденно отошел от дел, и соседский хлеб победил в честной конкуренции, – подвела я итог обрисовавшейся передо мной истории.

– Что-то вроде того. Бабушка Мата и Улька как раз переехали сюда и купили соседнюю лавку. Мой хлеб им показался не очень...

– И ушлая старушенция решила вытеснить тебя с рынка, так как именно в хлебной нише на тот момент оказалась слабая конкуренция, – закончила я фразу за Даля.

– Не... ну... – парень не знал, что ответить. С одной стороны он хорошо относился к соседям, а с другой – я ни словом не покривила против правды.

– И какие у тебя в таком случае идеи? – насмешливо задала я вопрос и без того смущенному Дально.

Алошка слушал нас, открыв рот и переводя удивленный взгляд то на меня, то на брата. В его детском умишке никак не укладывалось: почему наемная помощница, которая должна безропотно слушаться хозяина, настойчиво требует отчет. Ну, а что я? В конце концов тот сам позволяет, почему бы и нет?

– Я подумал, что можно предложить покупателям немного иной товар. Я не могу конкурировать с бабушкой Матой в хлебе, но сладкие булочки, плюшки и рогалики у меня выходят лучше, чем у нее.

– Ради булки к чаю мало кто пойдет через всю площадь в другую лавку, проще купить там же, где основные покупки, особенно если разница во вкусе несущественная. И, могу предположить, раньше в вашей лавке рогалики тоже продавались, но не спасли ее от разорения.

– Других идей у меня нет, – сник Даль. Выглядел он в тот момент неважно, я бы даже сказала, жалко.

– Как ты можешь? – неожиданно накинулся на меня

Алошка. Он подскочил к столу, за которым я сидела, и встал напротив, сжав кулачки. Наши глаза оказались на одном уровне. – Нам очень важно открыть лавку! Разве тебе не нужна работа? Ты должна нам помочь!

– Я и помогаю, – растерялась я от мальчишечьего напора. – Или ты считаешь, лучше вежливо промолчать и дать твоему брату повторно разориться?

Тут уже растерялся Алон.

– Просто ты говоришь, что не нужно открывать лавку, – попытался оправдаться он и утер рукавом нос.

– С подобной идеей, уверена, что не нужно. – А заметив, как снова вскинулся мальчишка, добавила: – Быть может, вместе придумаем что-нибудь получше?

В глазах мальчика загорелся азарт.

– Твой брат хорошо готовит. Что у него получается лучше всего?

– Котлеты, рагу, мясо с овощами, каша с грибами, – принялся увлеченно перечислять Алошка и облизываться, – пироги с потрохами, манники, кексы, ватрушки, вафли, пряники...

– Уже интереснее, – подбодрила я. Малец уловил мой намек и с еще большим энтузиазмом взялся вспоминать, что же пробовал из мучных сладостей, приготовленных братом.

– До кондитерской, конечно, не дотягивает, но уже не булочная, а, значит, конкурировать с соседкой не придется. – Я выразительно посмотрела на Даля. – Или у вас в соседях

лавка с печеньем тоже имеется?

– Нет. Ничего подобного. – И улыбнулся широко, радостно. Таких милейших ямочек на щеках и ослепительного блеска в глазах я в жизни не видала. В области сонного сплетения что-то стремительно сжалось, а затем плавно распустилось, разгоняя по крови эндорфины и наполняя все мое существо необъяснимым счастьем.

Стоп! Что со мной происходит? Растаяла от одной мужской улыбки? Так дело не пойдет. Срочно переключаемся на вафли с печенюшками.

– В таком случае стоит продумать ассортимент, которого ни в вашей, ни в соседской булочной раньше не продавали, – предложила я, стараясь не смотреть в ярко-синие глаза.

Братья издали восторженный клич, напомнивший мне старые фильмы про индейцев.

– Вот только не нужно оповещать соседей о своих планах, – ворчливо пробормотала я и встала из-за стола. – Где, Даль, говоришь, я теперь буду спать?

Комнату мне выделили матушкину. Красивую и уютную. В ней, в отличие от прочих комнат дома, вся мебель и даже занавески остались нетронутыми. Как и гардероб, полный женской одежды. Широкий жест в отношении подневольной линси, да и наемной помощнице подобная роскошь вряд ли полагалась. Братья подлизываются?

Пока я плескалась под магическим душем, Даль принес мне свежую постель и, громко пожелав сладких снов, уда-

лился.

Следующие два дня прошли за пробой кулинарных шедевров. Вернее, Даль беспрестанно что-то готовил, а мы с Алошкой за обе щеки уминали. Мальчишка изголодался за последнее время по сладостям, а я, просидев почти год на магической диете линси, и вовсе истосковалась по человеческой пище. Мне даже запах выпечки доставлял острое наслаждение, что уж говорить про дегустацию.

– Ириса, я тебя люблю, – признавался Алошка со вкусом облизывая мед с пальцев.

– Она Лариса, – поправлял его между делом брат, не отрываясь от замешивания теста для очередной порции вкусностей.

– Меня-то за что? Это Даль испек, – смеялась я, уплетая слойку, похожую на земную пахлаву. Крошки тоненько раскатанного теста осыпались на стол, как бы я ни старалась аккуратно откусывать от хрустящей выпечки.

– Даля тоже люблю, – соглашался мальчишка. – Он испек. Но и тебя – ты придумала этот праздник.

– Какой праздник?

– Праздник вкусностей. Лучший праздник на свете! – Измазанная медом мордашка сияла почище новогоднего шара на елке.

– А ведь ты прав, – заметила я. – Самый лучший праздник тот, на котором есть сладости. За них и любят Новый год.

– А еще за атмосферу сказки и предвкушение чуда, – до-

бавил Даль. Венчик, грохочущий, в железном тазу, замедлился, а спустя пару секунд и вовсе замер.

Осененные общей идеей мы посмотрели с парнем друг на друга.

– Выпечка будет как маленький праздник, – поделился Даль своими мыслями. Венчик в его руках закрутился быстро-быстро, взбивая яйца в пышную пену.

– На моей родине к Новому году делают пряники в форме елочек и снежинок, – не успев прожевать, прошамкала я с набитым ртом.

– Можно сделать пончики в виде снеговиков, печенье испечь шишками. У местного бытовика куплю съедобные магические сюрпризы. А для пряников закажу знакомому деревянные формы, он вырежет.

– Оформим торговый зал к Новому году, и у окна поставим небольшую елку. Украсим ее праздничной выпечкой.

– Сделаем новую вывеску и назовем лавку «Сладкие радости».

Идеи из нас посыпались, как град из снежной тучи.

– Так можно обыграть любой наступающий праздник, – выдохнул Даль и прекратил взбивание. В кухне воцарилась тишина. Умиротворенная. Благостная. Пропитанная ароматами цитруса и корицы, а также надеждами на успех в будущем.

Неделю мы потратили на подготовку. Я, как и братья, заразилась энтузиазмом и с удовольствием включилась в об-

щее дело. Пока Даль заказывал новую вывеску, загружал погреб и кладовую необходимыми продуктами, заключал договора на поставки основных ингредиентов для сладкой выпечки, мы с Алошкой отмывали зал и украшали дом к новому празднику.

Мелкий, несмотря на детский возраст, работал со мной наравне. Если не усерднее. У меня никогда не было младшего брата, но подруги подобным сокровищем обладали, и я видела, до чего мало приспособлены к жизни шестилетние мальчишки. Алошка оказался не таким. Пусть и невысокий росточком, да и мускулами не мог похвастать, однако в его руках работа кипела. Он не отлынивал, не устраивал бесконечные перерывы, да что там, иной раз даже о еде забывал. Мне приходилось постоянно следить, чтобы мальчишка не перетрутился и вовремя поел.

Я здорово уставала, но, признаться, последние дни стали для меня самыми счастливыми в жизни. Мне безумно нравилось продумывать оформление зала, украшать его, представляя, как ахнут посетители, изобретать особенности подачи товара.

По моим наблюдениям этот мир несильно отличался от родного мне. Глобально – развитие технологий из-за бытовой магии притормаживало, а локально – несовпадение прослеживалось лишь в мелочах, вроде моды или поклонения народа не богам, а духам. Новый год здесь праздновали знакомо – с елкой и шумными развлечениями. Поэтому, ныр-

нув в мешок своей памяти, я с азартом прикидывала, что интересного можно позаимствовать с Земли. Выходило оригинально, но вполне соответствовало местному менталитету.

К вечеру без сил приползал Даль, но мы не слышали от него ни единой жалобы. По усталому лицу было видно, что все проходит не так гладко, как хотелось бы, однако улыбка не сходила с его губ. Воодушевление и вера в удачу переполняли парня, заряжая энтузиазмом и нас с Алошкой.

Пужинав, мы устраивали совещание, на котором планировали дела на следующий день. После чего Алошка отправлялся спать, а мы с Далем шли в торговый зал, где еще полночи выкорчевывали старые полки, обшивали рейкой стены, ставили заплатки в полах. Все то, что не вышло сделать днем с младшим братишкой. Разумеется, тяжелую работу выполнял Даль, я лишь немного помогала и ставила перед ним новые задачи.

А с утра мы снова впрягались в предновогоднюю круговерть. Никогда не думала, что праздники могут быть такими хлопотными. И приятными.

И вот, наконец, наступил тот самый долгожданный день. День исполнения первого желания.

Даль вернулся домой хмурый и совершенно несчастный. Он прятал глаза от нас с Алошкой и отговаривался головной болью да усталостью. Я видела, что он действительно сильно устал, но также понимала, что плохое настроение парня совершенно не связано с переутомлением или нездоровьем.

– Алон, ты сегодня здорово помог. Не хочешь немного отдохнуть? Мне кажется, я видела, что утром залили горку. Наверняка, она уже замерзла. Не пора опробовать?

Дольше мальчишку уговаривать не пришлось. Маленький вихрь пронесся по кухне, а затем по коридору, одеваясь на ходу.

– Я недолго! – послышался голос, после чего громко хлопнула входная дверь.

– Расскажешь? – Я впиалась взглядом в смурного Даля.

– Пошел обновлять лицензию на продажу мучных изделий, а градоначальник отказал. Мол, разрешение давно просрочено.

– А новое получить?

– К весне хорошо, если сделают.

– Почему так долго?

– Не знаю. Всегда так.

– И что будем делать? – поинтересовалась я с придыханием, предвкушая ответ. – Нужно срочно. У нас все в новогоднем антураже. До весны нельзя ждать.

– Поможешь правильно загадать желание?

4

Перед моими закрытыми глазами мелькали варианты исполнения желания Даля. Он попросил меня о помощи в загадывании своей мечты, но на самом деле прекрасно справился и сам. Я лишь подивилась насколько точно он сформулировал задуманное. Даль не стал зацикливаться на лицензии или препонах в бизнесе, его желание оказалось более цельным.

– Хочу стать успешным лавочником.

О да, его желание учитывало любые мелочи. При этом он взял курс на сладкую выпечку, а потому исполнение не затрагивало интересы бывшей конкурентки. И не умаляло собственных заслуг Даля, так как успех накладывался на уже просчитанные и сделанные шаги. Все это отчетливо прослеживалось в мельтешащих картинках предполагаемого будущего. Bravo, парень! Что тут еще сказать. Даже если и хотела бы навредить, не смогла бы. Но... кажется, уже и не хотела. Пусть сбудется без подвоха! Еще успею напакостить, когда Далья занесет не в ту сторону.

Хлопок в ладоши. Первое желание исполнено!

– Завтра снова сходи в администрацию. Там грядет существенная перестановка. Прежнего градоначальника уволят за взятки, а новый окажется чудо как расторопен и благосклонен к лавочникам.

Так и вышло.

– Все в точности, как ты и говорила! – с удивлением и восторгом прокричал Даль, ворвавшись на следующий день в торговый зал.

Мы как раз с Алоном закончили развешивать букетики с магическими огоньками – местные традиционные украшения в Новый год. Я стояла на лестнице, приваленной к стене, и от неожиданности пошатнулась. Ненадежная деревянная конструкция поползла в одну сторону, а я... полетела в другую.

Мне повезло, что у Даля оказалась отличная реакция.

– Брата частенько ловлю, – пояснил смущенный парень и поставил меня на ноги. Я же от испуга, как обхватила его за шею, так и не могла разжать судорожно сплетенные пальцы. Жар опалил мои щеки, но ничего поделать с неприличными объятиями у меня не выходило.

– Ты уже не падаешь! – счастливо сообщил мне Алон и, оббежав нашу композицию, выскочил в коридор.

Мы с Далем уставились друг на друга. Парень осторожно убрал с моей талии заледеневшие на морозе ладони, видимо, предлагая сделать и мне то же самое – в смысле спрятать собственные конечности. Но, увы. Сейчас своим рукам я не была хозяйка.

В голове теснись глупейшие мысли, о бездонности глаз напротив и тонком, еле уловимом аромате ванили, исходившим от парня. Я беспомощно хлопала ресницами вконец

растерявшись. Даль не отводил от меня взгляда. Его зрачки постепенно расширялись, заполняя собой ярко-синюю радужку, а лицо, кажется, приближалось. Мое сердце дробно застучало...

– Вон они! Все еще обжимаются! – громко доложил к кому-то Алошка, и нас с Далем неведомой силой отбросило друг от друга. – Красивая?

– Ничего так, – серьезно оценил девичий голос. Я думала, что новую обстановку в зале, а оказалось...

Две пары глаз смотрели исключительно на меня.

– Мне тоже нравится. Ириской зовут, – поведал Алошка подруге – девчонке выше его на голову, тощей, несмотря на плотную ткань зимнего пальто, и большеглазой. Точь-в-точь стрекоза. Ее тонкие светлые косички торчали из-под заснеженной шапки в разные стороны, а рот лыбился до ушей.

– Алон! – строго одернул Даль брата, но мальчишка лишь пожал плечами, без смущения продолжая вводить свою даму в курс дела.

– Если они поженятся, я тебе первой сообщу.

Что? На всякий случай я отпрыгнула от Даля подальше. Еще чего не хватало! Да он мне даже не нравится! Подумаешь, симпатичная мордашка. И вообще, я хочу вернуться домой!

Я покосилась на парня. И что это Алошке всякие глупости приходят в голову? Фигура, конечно, у Даля ничего, но вот характер... Слишком скромный и деликатный. Уж не знаю,

то он на самом деле от любви к ближнему или намеренно держит марку, чтобы вызвать к себе больше доверия.

Даль на меня вовсе не смотрел, сверля взглядом брата. Мальчишка, показав меня, принялся водить подругу по залу и хвастаться украшениями, купленными и сделанными самостоятельно.

– Это Ириска придумала, – показал он пальцем на гирлянду из фольги. – А я сделал.

Девчонка восхищенно всплеснула руками. Алошка выпятил грудь колесом и задрал веснушчатый нос.

Я попятилась к двери, чувствуя себя лишней, и спиной наткнулась на Даля. Он тоже пытался ускользнуть из зала.

– Извини его, – пробормотал парень, – никак не научу манерам. А сейчас... воспитывать не самый лучший момент.

Мы оставили парочку наедине наслаждаться красотой новогоднего убранства, а сами переместились на кухню.

– Это соседская Улька, – пояснил Даль, заваривая чай. – Они с Алошкой, когда не заняты помощью каждый в своей лавке, часто мотаются туда-сюда, то в одном доме обитают, то в другой заглянут. В последнее время к нам редко заходили, слишком здесь все обеднело. Поэтому сегодня Алон такой взбудораженный. Про все правила приличия напрочь забыл. Ты не думай, так-то он...

– Да-аль! Я живу с вами уже больше недели. И знаю, что Алошка замечательный парнишка! И также прекрасно понимаю, как ему хочется покрасоваться перед девочкой. Не

нужно передо мной оправдываться. Бесит!

Он улыбнулся.

– Ты стала гораздо спокойнее. Поначалу тебя раздражало буквально все.

Он замечал? А я-то старалась сдерживаться и кипела изнутри.

– Посиди в крошечном пузырьке почти год, я посмотрю, каким ты будешь спокойным и уравновешенным, – буркнула в ответ и уткнулась в чашку, поставленную передо мной заботливым Далем.

– Я рад, что ты стала приходить в себя, – прошептал он, усаживаясь напротив. До чего раздражает его забота. Не верю я в его искренность!

– Лучше подумай о следующем желании.

– Да, я помню, что ты хочешь как можно скорее освободиться и отправиться домой.

– Вот именно!

Раз такой понимающий, мог бы и поторопиться с загадыванием!

– Я постараюсь.

А на следующий вечер с ревизией явилась еще одна особа.

– Так-так-так... Отлично поработали, ребятки! – Пожилая женщина вплыла в торговый зал, осматривая цепким взглядом все вокруг. Высокая и худая, она, признаться, производила неизгладимое впечатление. Прямая осанка, стильное пальто и шляпка-таблетка. Сама элегантность. – Наде-

юсь, Даль, в этот раз у тебя все получится. Обидно будет, если подобные старания не окупятся.

– Я тоже надеюсь на успех, уважаемая Мата, – отозвался Даль и нервно оправил на себе одежду.

Улькина бабушка? Вот это да! Скорее уж женщина без возраста. Разве повернется у кого язык назвать ее бабушкой?

Дамочка с достоинством кивнула и продолжила молча осматривать зал. Кто бы сомневался! Видимо, Улька рассказала о своем визите к нам, чем вызвала неумемное любопытство соседки.

– Позвольте предложить вам чаю, – наконец, нарушил тишину Даль после того, как гостя пошла по залу на второй круг.

– Не стоит, я лишь на минутку заглянула. Сам знаешь, перед Новым годом дел полно. Просто волновалась за тебя, но мне нравится, как в этот раз все сделано. С умом, учтена каждая мелочь, покупателям должно прийти по душе.

– Спасибо.

– Хочу дать небольшой совет. Перед открытием разбросайте по городу листовки. Лишняя шумиха не помешает, а стоит всего ничего.

– Так и сделаем!

Женщина прохаживалась, касалась кончиками тонких сухоньких пальцев до украшений, новых полок. Досталось и мне несколько задумчивых взглядов. Но все как-то вскользь, без особого интереса. Зачем же на самом деле она пришла?

– А как у Ервея самочувствие? – совсем уж безразличным тоном спросила она. Однако броню Даля пробила-таки. Парень побледнел, потом пошел пятнами.

– Все так же, – наконец, выдавил он.

– По-прежнему в лечебнице? Не надумал вернуть деда домой?

– Там за ним профессиональный уход, – глухо отозвался Даль. – Извините, мне нужно идти, вас проводит Лариса.

– Не стоит, – ледяным голосом отказалась Мата. – Мне уже пора. Всего доброго.

Сама ушла, а холод после ее визита так и остался. Даль молчал. У меня же из головы не шло услышанное. Выходит, дед, который заболел и оставил лавку на внука до сих пор жив? Лежит в лечебнице под надзором врачей, а Даль в это время загадывает желание о возрождении бизнеса?

Эх. А я-то уже начала проникаться к парню симпатией. Вовремя пришла соседка. Не зря я не доверяла его смазливому личику! Как чувствовала, что он такой же как все.

Рада ли я была, что оказалась права? Вряд ли. Сильно расстроилась? Тоже не уверена. Единственное, в чем я не сомневалась, так это в том, что нужно подтолкнуть Даля поскорее озвучить оставшиеся два желания и отчалить домой. Надоело все!

Открытие лавки прошло без сучка и задоринки. Не удивительно, все-таки к успеху приложила руку линси, вернее, магию. Никаких проблем, одно везение. Мы претворили в

жизнь большую часть наших идей, и местный люд встретил их с восторгом. Даль еле успевал снабжать лавку выпечкой. Мы с Алошкой поочередно стояли у прилавка, упаковывали в подарочную слюду стопки печенья и большие праздничные пряники. А народу прибывало все больше и больше.

Вот уже семь дней подряд мы закрывали лавку гораздо позже, чем было указано на вывеске. Сувенирную выпечку и сладкие украшения на елку сметали быстрее, чем дворники снег на центральной площади. К чаю горожане тоже не забывали прикупить вкусенького. За неделю мы покрыли все вложения и даже вышли на приличный доход.

Не знаю, радовался ли успеху Даль, по его невозмутимому лицу трудно было что-то понять. Как надел каменную маску после ухода Маты, так и не снимал. Улыбку время от времени натягивал по необходимости, только и всего.

Мне было все равно, на самом деле. Я больше не переживала за общее дело и не сочувствовала Далю. Просто отмечала про себя, что скоро, совсем скоро появятся и другие желания, ведь людям свойственно хотеть большего.

Алошка радовался за себя и за всю нашу компанию. Вот у кого было новогоднее настроение с предвкушением чуда и ожиданием вожаденного самоката. Малец не сомневался в том, что лавка семимильными шагами движется к процветанию, он восторженно принимал каждого нового покупателя, поздравлял с наступающим всех подряд, и с детской непосредственностью любовался нашей разряженной в сладости

елкой.

– Даль! Принимай товар! – прогрохотал с порога бело-брысый парень, закрывший собой дверной проем. Высокий рост и широкие плечи подсказали мне, что пришел тот самый единственный друг, что остался у Даля после разорения. Молодой человек работал мельником и на первых порах снабжал нас мукой в долг. Сегодня привез мешки самолично?

– Оран, – Даль радостно бросился на встречу верзиле.

– Показывай свое сокровище, – сочным басом потребовал гость. – Страсть, как хочу посмотреть на удивительную помощницу, благодаря которой ты так быстро развернулся. Лавка ожила в считанные дни. Да что там! Мне кажется даже во времена деда Ервея вы не заказывали у меня столько муки.

Неужели Даль все-таки рассказал другу о линси? Не может быть! Его же предупреждали!

Я попыталась спрятаться за широкой спиной хозяина. Не хочу больше становиться переходящим трофеем! Однако Даль крутился словно снежная поземка, удивляясь, куда могла деться помощница, только что сметавшая крошки с прилавка.

– Где Ириска, о которой Алошка мне без умолку толковал? – продолжал басить Оран, уже заметив меня и не сводя глаз. Наконец, и Даль обнаружил. Схватил меня за руку и выудил из-за своей спины.

– Позволь представить тебе Ларису.

– Уууу, Ириска звучит вкуснее, – протянул Оран и, скорчив смешную рожу, подмигнул мне. Не похоже, чтобы он догадывался про мои способности линси.

– Ириской тоже можно, – вздохнула я. Детское глупое прозвище преследовало меня даже в другом мире.

– Оран. Польщен до глубины души. – Не дожидаясь, пока его представят, парень схватил в свои ручищи мою ладонь и с чувством пожал ее. – Вот значит, как выглядят мозговитые девушки. Далю просто повезло встретить тебя. Сам он вряд ли додумался бы до таких прибыльных идей. – Он обвел рукой зал и остановился на елке, украшенной выпечкой. Орехи, шишки, шары, зверушки, снежинки, звездочки. И все съедобные, источающие умопомрачительные ароматы ванили, корицы и какао.

Я улыбнулась. Друг Даля, а сходство больше прослеживалось с простодушным Алошкой.

Задерживаться с парнями не стала, закончила свои дела и ушла в выделенную мне комнату. Даже мысленно никогда не называла ее своей. А в последние дни я и вовсе пребывала в чемоданном настроении. Исчезнуть из этого мира хотелось невероятно. И все из-за чертова Даля. Ну нет, понимала же, что подонок, но каждый раз, как он попадал в мое поле зрения, не могла отвести от него глаз. Сама себя ругала, и при этом постоянно прислушивалась, не раздастся ли его голос. А стоило ему с кухни принести в торговый зал очередной

поддон выпечки, так я старалась забрать ношу, обязательно коснувшись кончиками пальцев его горячих рук.

Мысленно отвесив себе оплеух за то, что вместо сна снова принялась рефлексировать, я вылезла из теплой постели. Спустила ноги на теплый пол – до чего удобна бытовая магия, иной раз подумываю, что она приносит гораздо больше комфорта, чем привычные технологии моего мира. Накинула поверх скромной сорочки безразмерный махровый халат и вышла из комнаты. Нужно хлебнуть водички, может, тогда получится заснуть.

Дойти до кухни не успела. Мужские голоса, хорошо слышимые на лестнице, заставили меня сначала затормозить, а потом тихонько притулиться на ступеньках.

Даль и Оран выпивали. И разговаривали, как же без этого. Хоть и не любительница я совать нос в чужую жизнь, а все-таки невольно прислушалась.

– Мне кажется, она меня однажды загрызет. Как отправили деда в лечебницу, так каждый раз при встрече спрашивает, когда вернем его обратно, – угрюмо делился переживаниями Даль. – Так тошно становится! Чувствую себя последним подонком. Можно подумать я специально избавился от деда.

– Ладно тебе, не слушай ты эту Мату, – уговаривал пьяненький Оран, с трудом выговаривая слова, – язык у нее ядовитый. Кто же не знает, совсем без лечения деда не оставишь. Та же лечебница стоит немало. Ты еле сводишь концы с кон-

цами, а нормального заработка, между прочим, по ее вине лишился, где уж взять денег на личного лекаря, который стал бы навещать деда Ервея на дому.

– Не по ее. По своей я потерял покупателей, только по своей вине.

– До чего ты наивный!

– Но теперь дела наладились. Если и дальше будут такие же продажи, как на этой неделе, я мог бы действительно нанять сиделку и платить лекарю...

– Не. Сейчас пик продаж перед праздником. Потом так не будет. Ты же не хлеб продаешь, а сладости, они не так необходимы народу.

– Это да. Но что мне тогда делать? – Даль вздохнул.

– То же, что и раньше. Продолжать работать и навещать деда Ервея в лечебнице. Возможно, позже...

– Я скучаю...

– Понимаю.

– Я так по нему скучаю. Все на свете отдал бы, лишь бы дед выздоровел. Почему это невозможно?

– Жизнь жестока.

– Он заменил мне отца, а после смерти матушки и ее тоже.

– Знаю.

– Он угасает, а я вижусь с ним от случая к случаю. – Даль уронил голову на скрещенные руки, плечи его мелко затряслись.

Мое сердце болезненно сжалось. Выходит, Даль любит

своего деда? Но почему тогда не загадал желание о его здоровье? А быть может, пьяные слезы на самом деле ничего не стоят? Искренен он сейчас или играет?

Чтобы выяснить правду, я решила дожидаться, пока Оран уйдет, и задать Далю вопрос в лоб. Услышать ложь не боялась, в ней нет никакого резона – я в его мире временно, подневольна и существую лишь для претворения в жизнь любой, даже самой постыдной мечты. От меня ли ему хранить секреты.

– Взбодрись! – Оран уронил тяжелую ладонь на плечо друга. – Лучше давай выпьем. Я же держусь! Милина глаз на меня не поднимает. Отец присмотрел ей будущего супруга, старика дряхлого, а она и слова поперек не скажет. Скоро я ее совсем потеряю.

– И останемся мы с тобой одни, – хмуро подвел итог Даль, поднимая голову и опрокидывая в себя содержимое кружки.

– Э! Ты о чем? Это у меня никого нет, а у тебя Алон, и еще Ириска...

– М?

– Зря не уговорил ее посидеть с нами.

– Она же сказала, что не пьет.

– Так не пила бы, просто составила бы компанию.

– Незачем.

– Да ладно! Я же видел, как ты на нее смотрел.

Я приложила прохладные ладони к горячим щекам. Оран правда думает, что я нравлюсь Далю? Но тот ни разу не по-

казал мне своей симпатии...

– Ты не все знаешь, – отмел парень разом подозрения, и мои, и Орана.

Меня будто приложили со всего маху о мерзлую землю и вышибли дух. Дышать стало трудно. Вот так в один миг разбиваются иллюзии. Это Оран не знал, что я – рабыня чужих желаний, линси, подчиняющаяся очередному хозяину. Мне же слова Даля, в отличие от его друга, были понятны. Как и его намеренье сторониться опасного существа, владеющего однобокой, но мощной магией.

– А на счет Алошки... Он скоро вырастет...

– Давай не будем сейчас думать о плохом! – перебил Оран. – Пока все сносно, поэтому насладимся тем, что имеем!

Парни подняли кружки. Попойка продолжалась. В ожидании ее окончания я задремала, сжавшись в комочек и привалившись к перилам.

А проснулась резко. От сильного испуга.

5

Грохот и чужие прикосновения. Я не сразу сообразила в чем дело. В кухне больше не горел свет, поэтому пришлось полагаться на слух и ощущения. Оказалось, Даль, проводив друга, стал подниматься на второй этаж и в потемках наткнулся на меня. Хорошо не наступил, а только повалился рядом, пытаясь не задавить.

– Алошка? Ты почему не спишь? – еле ворочая языком спросил парень. Его рука шарила по моей макушке, видимо, желая приласкать.

– Это Лариса, – буркнула я. Рука мгновенно слетела с моей головы.

– Что? Что ты тут делаешь?

– Хотела водички попить, но не решилась вам с Ораном мешать.

– И заснула. – Ну, до чего он догадливый, хоть и нетрезвый.

– Ага.

– Пойдем. – Даль нащупал мою ладонь и потянул вверх.

– Куда?

– В кухню. Ты же за водой спускалась.

– Да. Точно. – Я подалась за Далем, одной рукой крепко держась за перила, а второй за парня. Он даже в сильном подпитии прекрасно ориентировался в родных стенах.

Дойдя до кухни, Даль включил свет и упал на первый попавшийся стул. Я потерла ладонь, всего минуту назад бывшую в его руке. Ощущение непонятного дискомфорта, когда он меня так легко отпустил, раздражал. Можно подумать, он мне действительно нужен! Я испытываю к нему всего лишь благодарность за хорошее отношение и заботу. И ничего больше!

Я протопала к кадке и включила водный насос. Из крана потекла ледяная вода в подставленный под струю стакан.

– Кроме воды ты хотела еще что-то, – не спросил, просто вскользь заметил Даль.

Я резко обернулась. Он сидел с закрытыми глазами, расслабленно сложив ладони на коленях. Его длинные ресницы отбрасывали тени на порозовевшие от выпивки щеки. Видно, что парень под хмельком, но до чего хорошо соображает. Что ж, оно и к лучшему.

– Я тут нечаянно подслушала часть разговора. Давай откровенно, – предложила я и залпом выпила воду, которая тут же обожгла горло холодом и взбодрила меня.

Даль заинтересованно приоткрыл один глаз, на второй, видимо, сил не хватило.

– Давай.

– Хочешь, чтобы твой дед выздоровел?

– Больше всего на свете, – выдавил Даль и снова закрыл глаз. Тяжело говорить на эту тему? Или просто не хочет?

– Почему тогда не загадаешь желание?

Тут уже оба глаза распахнулись и уставились на меня не мигая.

– А разве можно?

– Почему нет?

– В нашем мире болезнями занимаются лекари, магии человеческого организм не подвластен.

– Тебе же говорила ведьма, что я могу все.

– Травница, – на автомате поправил он меня. – Но... Неужели... Даже вылечить больного? – В меня впился взгляд с затаенной надеждой.

– Разумеется. Проще простого.

Его глаза заблестели.

– Не может быть. И ты... сейчас... прямо сейчас...?

Выходит, я в который раз насчет него ошибалась. Он действительно любит деда. Сыграть подобную гамму эмоций, что мелькала на лице парня, просто невозможно. Да, если честно, никому и не нужно. Мне стало не по себе, что настолько отвратительно думала про Даля.

– Загадаешь?

– Конечно! Хочу, чтобы мой дед... дед Ервей... стал здоровым, – прерывисто произнес Даль. Его дыхание сбилось, словно парень отплясал вокруг елки пяток энергичных танцев, причем наряженный сразу и в настоящую меховую шубу Деда Мороза, и в костюм Санты с фальшивыми телесами из множества ватных накладок. Зато улыбка парня сияла ярче новогодней иллюминации.

Перед моими глазами понеслись картинки с вариантами исполнения, но я не стала их смотреть, остановившись на первой и самой логичной. Исцеление больного деда – доброе, бескорыстное желание.

Хлоп в ладоши!

– Готово!

– Серьезно?

– Да.

– Так просто?

– Да.

– Но ведь с лавкой пришлось потрудиться.

– Ты сам захотел научиться управляться с лавкой, успех загадал уже потом.

– Точно. Но дед... Он правда...?

– Правда.

– Выходит, ты действительно можешь все-все?

– Да.

– И... воскресить мертвого?

– Ох. Не думаю, что ты захочешь, чтобы останки твоей матери в ошметках гниющей плоти мотались по городу, – догадалась я о персоне, которую хотел бы оживить Даль.

Парень опустил глаза, пряча давнюю боль.

– Дед... Я могу прямо сейчас пойти в лечебницу и забрать его?

– Вряд ли, – с сомнением произнесла я, но заметив, как Даль вскинул на меня тревожный взгляд, поспешила доба-

вить, – сейчас все спят. Утром сходишь.

Парень просиял. Ямочки на его щеках заиграли. Что же ты со мной делаешь! Мои колени предательски ослабли, норовя и вовсе меня уронить.

– Ты ложись спать, – распорядился он, резко соскакивая со своего места. Пошатнулся, но устоял на ногах.

– А ты? – спросила я и почувствовала себя донельзя глупо. Будто сварливая жена, контролирующая мужа.

– А я в душ и за дела, – охотно ответил Даль, одаривая меня очередной сногшибательной улыбкой. Наверное, действительно пора ложиться спать, пока не пала к его ногам. – Завтра с утра меня некоторое время не будет, открывайте с Алошкой лавку сами, свежую выпечку я сейчас приготовлю.

– Так точно, – отозвалась я, но Даль уже умчался, сшибая на своем пути углы.

А на утро стены дома содрогнулись от сочного баса. Несмотря на гомон толпы, набежавшей в лавку спозаранок, голос деда Ервея услышали все.

– Ну? Как вы тут без меня?

Очередь дружно обернулась на того, кто сумел ее перекричать, а большая часть приветственно заулыбалась. Старика здесь многие знали и любили. Кто-то уважительно закивал и подался назад, чтобы уступить дорогу, кто-то, напротив, бросился навстречу, желая воочию убедиться в здравии знаменитого пекаря и пожать ему руку.

Даже с сединой и глубокими бороздами морщин на лице

дед Ервей выглядел лучше меня, привычно заспанной и вялой с утра. Яркий румянец с мороза, генеральская осанка и улыбка победителя, сражающая наповал, таким предстал еще вчера умирающий старик. Сегодня он лихо подмигивал каждой юбке и с удовольствием обнимался с восторженными тетушками.

– Ервей! Как самочувствие? Когда приступишь к работе? Скоро ли в продаже появится твой хлеб? – народ забрасывал старика вопросами, пока тот неспеша передвигался к двери за прилавком.

– Хорошо-хорошо, благодарю. Пока собираюсь отдохнуть хорошенько после лечебницы и зверских процедур, которым меня подвергали. А там посмотрим. Как я погляжу, внуки и без меня прекрасно справляются. Молодцы! Выросли, помнели, дедова рука больше им не требуется для указки. Теперь могу немного расслабиться, так сказать, ощутить вкус жизни, – обстоятельно отвечал он с явным удовольствием и бросал взгляды за плечо. За ним шел Даль. Внук не уступал Ервею в росте, но со своей деликатностью терялся на фоне шумного и представительного деда. Правда, стоило заглянуть парню в глаза, как все на свете отходило на второй план, настолько явственно в них плескалось бурное и бескрайнее счастье.

В торговый зал вошел Алошка, на полусогнутых ногах и кряхтя от тяжести. Противень в его руках, наполненный свежей выпечкой, задрожал, и я еле успела подхватить драго-

ценную ношу прежде, чем ее содержимое оказалось бы на полу.

– Деду-у-усь! – Алошка повис на старике, разрыдавшись в голос. Мальчишку не заботили ни посетители, ни правила приличия, он выплескивал горечь переживаний последних лет и обильно поливал Ервея слезами.

– Не здесь. – Даль вывел деда и братца в коридор. А перед тем, как прикрыть за собой дверь, спросил меня: – Справишься одна?

Неужели я могла сказать «нет»?

– Конечно. Идите.

Покупатели, разочарованные прерванным представлением, взялись пытаться меня вопросами, но так как я мало что могла им рассказать, и отвечала односложно, вскоре отстали и снова обратили свой интерес к вкусным покупкам.

К обеду ассортимент выпечки заметно поредел, мои ноги гудели от усталости, а сама я была уверена, что про лавку и мою скромную персону просто-напросто забыли. Но в который раз я ошиблась в Дале.

Дверь позади меня распахнулась, впуская в зал теплый воздух и умопомрачительные ароматы, доносящиеся с кухни. Даль принес новоиспеченный товар. Парень ухитрился держать в руках сразу два противня, да еще на сгибах локтей у него висело по объемной корзине, доверху наполненной пряниками и печенюшками.

– Сюда! – Я не рискнула прикоснуться к нему из опасения

нарушить столь сложную композицию и стать причиной падения хотя бы одного кулинарного шедевра на пол.

– Спасибо тебе огромное! – Даль поставил на прилавок принесенное и аккуратно оттеснил меня в сторонку. – Иди пообедай, а потом отдыхай. Сегодня я сам справлюсь.

– Больше ничего печь не будешь? Решил пораньше закрыть лавку? – спросила я, накладывая в бумажный пакет для очередного покупателя хрустящие сладкие слойки.

– Вместе с дедом и Алошкой мы в шесть рук достаточно напекли. Осталось распродать, – ответил он мне, а покупателю, выдав сдачу, сообщил с чарующей улыбкой: – Спасибо за покупку! На следующей неделе будут пряники с магическим сюрпризом и пончики со снежной искрящейся посыпкой, непременно приходите.

– Ну хорошо, тогда я пошла, – передала я пост Далю и отправилась на кухню.

Где меня ждал не только обед, но и... дед Ервей. Алошка по-прежнему вис на старике, не желая отлепиться, и взахлеб что-то рассказывал. Дед его внимательно слушал, время от времени кивая и вставляя парочку-другую ободряющих слов.

– Ну, малец, беги, помоги немного брату, а мы с новой работницей потолкуем, – наконец, вклинился он в одну из пауз бесконечного монолога Алошки, как только заметил меня.

Мальчишка понятливо кивнул и юркнул в коридор. Через пару секунд хлопнула дверь в торговый зал, отрезая нас от

гомона покупателей. Все стихло.

– Не робей, Ириса, садись, обедать, – потирая бороду, предложил старик. – Даль, вон, уже для тебя все накрыл.

Я улыбнулась. Судя по обращению, основную информацию обо мне дед Ервей получил от Алошки. Мальчишка рос без женской ласки, поэтому на мои порывы понежничать и приласкать отзывался с особой признательностью. Я рассказывала ему земные сказки и учила играм, знакомым мне с детства. С младшим братцем мы ладили как нельзя лучше. Да и Даль не мог на меня пожаловаться. Тем неожиданнее стали для меня дедовы слова:

– Ешь и слушай, что я тебе скажу, линси. Поигралась с мальчишками и будет. Пора и честь знать.

Ложка, которую я только взяла со стола и собиралась запустить в наваристый суп, задрожала и вывалилась из ослабших пальцев.

– Вы сейчас о чем? – с трудом вытолкнула я из себя вопрос помертвевшими губами.

– О том, что линси беду приносят людям. Я благодарен тебе за здоровье, и за то, что не стала пакостить Далю, а выполнила желания так, как он и хотел. Наивный, мальчишка еще совсем, не знает ничего о жизни. Поэтому спасибо, что не обидела, но нечего тебе делать рядом с моими внуками.

Я не могла поверить.

– Вам Даль сказал, что я...?

– ...линси? Нет, конечно! Даль умеет хранить секреты,

раскололся лишь когда я назвал вещи своими именами.

– Тогда откуда вам стало известно?

– Так не первый день живу на свете, – усмехнулся дед и провел крупными ладонями по столешнице.

Вот значит, как.

– И что теперь? Сами будете загадывать желания? – с вызовом поинтересовалась я, задрав повыше подбородок, чтобы не разреветься. Не знаю, отчего навернулись слезы. От разочарования, что снова придется пройти новый виток желаний, или обидно стало за Даля, у которого коварный дед решил забрать магический сосуд. – У меня новый хозяин?

– Ну нет. Я уж стар, нет у меня таких желаний, о которых не мог бы позаботиться сам.

– Желания и их количество зависят не от возраста, а внутреннего состояния. – Я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Это сейчас у него нет нереальной мечты, пока не почувствовал вкус бескрайних возможностей. Во мне проснулась линси, голос сменился на обволакивающий и чарующий, и я против воли принялась соблазнять старика: – Молодость. Вечная жизнь. Богатство и власть...

К моему удивлению дед Ервей расхохотался. Его ладони захлопали по столу и коленям, по морщинистым щекам потекли ручейки слез.

– Этим ты меня не купишь, – прохрипел он, когда смог немного успокоиться и продышаться.

Я скептически приподняла одну бровь. Ой ли?

– Не веришь? Понимаю. Небось успела всяких людей по-видать за свой короткий век.

– Успела. – Надула губы я. – И что?

– А то. Незачем мне молодиться. Да и вечная жизнь – скука смертная. Когда рядом нет близких и любимых, каждый день хуже каторги. А прожить то, что отмерено свыше, можно прекрасно и без магии. Уж мне ли то не знать.

– Тогда, о чем разговор?

Выражение лица деда стало серьезным.

– Скоро полгорода будет в курсе, кто ты такая. Шутка ли, сначала лавка ни с того ни с сего начала процветать. И это после банкротства! Но ладно. Каких чудес в жизни не бывает. Ваша задумка действительно хорошей оказалась. Однако с моим выздоровлением вы уже хватили лишку. Это надо же додуматься, просто взять и... Эх! Могли перевести меня домой, вроде как умирать, потом постепенно распространять слух, что мне лучше, и уж после долгих качелей в самочувствии, я бы вышел ко всем бодрый и на своих ногах. А так... Любой человек, который способен мыслить логически, догадается, что дело нечисто.

– Не подумали мы, – тихо повинулась я и опустила голову.

– То-то и оно, что не подумали. А теперь жди паломничество сообразительных воров да убийц. Кто сам не позарится, так знакомым наболтает.

Меня словно кипятком окатило. Как я могла так подставить Даля? Кому, как не мне, знать, до чего люди жадные до

желаний, и на какие преступления готовы пойти ради всемогущества. Нет мне прощения! Эх...

– Ладно, Ириса, сожалениями делу не поможешь.

– Нужно сказать Далю, чтобы загадывал желание. Любое! Срочно! Тогда чары развеются, я вернусь в свой мир, и охотиться за линси перестанут. – Произнеся вслух то, о чем так долго мечтала, я вдруг поняла, что совершенно не хочу этого. В смысле домой не хочу. Горло перехватило спазмом при одной только мысли, что больше не увижу кое-кого, незаметно проникшего в мое сердце. Как же так? Неужели я готова остаться в этом мире?

Но это невозможно. Либо я здесь и в качестве линси, либо становлюсь человеком, но сразу же перемещусь домой. И если один мир поменять на другой я, кажется, совсем не против, то оставаться подневольным магическим существом... не уверена.

– Я говорил с Далем, – вздохнул дед Ервей. – Он не станет наобум загадывать желание.

– Тогда, что вы от меня хотите? – не поняла я, к чему вообще завел разговор старик. – Я не могу сбежать от хозяина.

– Знаю. Исчезнешь, только когда осуществится третье желание. Но о мальчишках ты подумала? Что будет с Далем и Алошкой после того, как вернешься в свой мир? То-то и оно. Внуки привязались к тебе, я же вижу. На кой ляд, спрашивается, вылезла из своей бутылки? Всюду стараешься, втерлась в доверие. Тебе-то, понятное дело, развлечение, а мальчиш-

кам это не нужно, только большее расставание окажется.

Недобрые слова старика ранили меня, но справедливость их я не могла оспорить. Прав дед Ервей, нужно было и дальше сидеть тихонько в своем сосуде. Жизни мне человеческой, видите ли, захотелось. А про других не подумала.

– Поняла, – прошептала и еще ниже опустила голову.

– Ты, девка, не вздумай мне тут в супе топиться, – проворчал старик, – ешь давай.

Я снова взяла в руки ложку и принялась без аппетита хлебать наваристый бульон. Наверное, впервые еда, приготовленная Далем, оставила меня в равнодушии.

– Значит, так, – наставлял меня тем временем дед Ервей. – Веди себя естественно, ни в коем случае не выдавай, что из другого мира. С мальчишками будь холоднее, отстраненнее, меньше общайся, пусть Даль остынет и загадает, наконец, третье желание. Будем надеяться, что до того времени не произойдет ничего страшного. Я присмотрю за домом и внуками.

Я кивала, работала ложкой и глотала вместе с супом слезы. Старик деликатно отвернулся и делал вид, что не замечает моего состояния. Наскоро покончив с едой, я убежала в свою комнату, где позорно разревелась в подушку. Первым порывом было вернуться в свой сосуд и не высовывать оттуда носа. Но оказалось, что без разрешения Даля мне подобное неподвластно. Еще одна отвратительная особенность в жизни линси. Впрочем, мое трусливое бегство не решило бы

проблемы. А потому мне оставалось только вздохнуть и рыдать.

Я жалела Даля, который оказался в опасности и даже не подозревал о том. Оплакивала себя с неуместными чувствами и необходимостью вернуться в свой мир. Панически боялась оказаться в руках нового хозяина. Стоило подумать о том, чтобы опять стать вершительницей чужих судеб и соучастницей преступлений, как меня начинала бить крупная дрожь, а горло перехватывало болезненным спазмом.

Взять себя в руки и успокоиться мне удалось лишь час спустя.

Ледяная вода не сняла отеки с заплаканного лица, но немного взбодрила. Не время опускать руки и жалеть себя, поплакать я смогу и дома. Сейчас гораздо важнее проложить дистанцию между мной и братьями. Показать стержневую сторону и отвратить от себя. Что там говорил дед Ервей про привязанность внуков? Он же не имел в виду, что Даль тоже испытывает ко мне чувства? Впрочем, неважно. Либо я остаюсь с Далем в качестве линси, и тогда кто-то может напасть на него, чтобы отобрать магический сосуд, навредить парню, заставить меня снова исполнять чужие желания. Либо я отчаливаю в собственный мир человеком, но уже никогда не увижусь с Далем. Выбор очевиден. Нужно немного поднапрячься, чтобы сыграть Снежную королеву, а там, глядишь, получится выжать из Даля последнее желание.

Решено! Я привела себя в порядок и спустилась вниз. Все-таки резкий отказ от помощи в лавке был бы слишком подо-

зрителен. Да и стерву изображать в пустой комнате как-то не с руки – не перед кем.

Я дарила радушные улыбки посетителям, осознавая, что наслаждаюсь любимым делом последние денечки, а быть может даже часы. Для меня стало неожиданным удовольствие от общения с покупателями. Оказывается мне нравится не только оформлять зал, придумывать новые затеи с товаром и его предложением народу, но и банальная продажа выпечки меня не меньше увлекала и наполняла энергией. Я с воодушевлением показывала подарочные варианты, расписывала незабываемый вкус шоколадных пряников, болтала обо всем и шутила с постоянными клиентами.

Далю от меня доставались лишь сухое обращение исключительно на тему работы. Все его попытки умаслить и задобрить наталкивались на барьер холодного взгляда и натянутой искусственной улыбки. Бедняга не мог понять в чем провинился и продолжал меня атаковать, меняя лишь тактику.

С Алошкой провернуть подобный трюк оказалось еще сложнее. Мальчишка в упор не замечал, что мое отношение к нему изменилось, не видел явный отказ общаться с ним и не слышал грубые слова в свой адрес.

– Алон, – противным тоном обратилась я к мальцу после того, как он насильно обнял меня, несмотря на мои трепыхания. – Ты пришел с мороза! Хочешь, чтобы я простудилась? Неужели не знаешь, что переохлаждение опасно для здоровья? С тебя снег комками валится, а ты меня обнимать?

Алошка влетел в лавку с прогулки и, путаясь под ногами, тут же принялся взахлеб рассказывать, как провел время с Улькой, пока мы с Далем прибирали в торговом зале после рабочего дня. Моя отповедь застала его врасплох. Но мальчишка вовсе не обиделся.

– Просто-прости-прости, – зачастил он, отпрыгивая от меня на приличное расстояние. – Не болей, пожалуйста, Ириса, иначе я сильно-сильно расстроюсь. Будь всегда здорова! Мы тебя очень любим!

– Очень-очень! – шепотом добавил Даль, видимо рассчитывая, что я не услышу.

Я чуть не разревелась от таких слов. И как тут продолжать стервозничать?

Неделя прошла в моих душевных терзаниях. Я металась между необходимостью отдалиться от Даля и Алошки и желанием насладиться последними мгновениями рядом с ними. Впервые в жизни до меня дошел настоящий смысл слова «семья». Сама не поняла, как так получилось, что мне стали дороги все жильцы лавки «Сладкие радости». Даже дед Ервей, зорко следивший за внуками и взглядом постоянно мне указывающий быть отстраненнее, и тот незаметно протоптал дорожку к моему сердцу своей неумемной заботой о близких и неподражаемым жизнелюбием.

Старик получал удовольствие от всего на свете: кашеварил ли он на кухне, вел ли разговоры со знакомыми или убирал снег, за ночь наметенный на ступени крыльца, с его лица

не сходила довольная улыбка.

Каждое утро у деда начиналось одинаково. Он умывался, завтракал, после чего приводил себя в порядок. Идеально выглаженный костюм, шейный платок и тонна вылитой на себя душистой воды.

– Я ушел, вернусь нескоро, – привычно сообщал нам дед Ервей, надевая пальто и любуясь собой в большое зеркало у лестницы.

– И куда он в таком виде уходит каждый день? – наивно удивлялся Алошка.

– Взят бы да спросил, – фыркала я, привычно изображая стерву.

– На свидание, – тепло улыбался Даль и продолжал заниматься выпечкой.

Но сегодня все вышло иначе.

– Я ушел, вернусь нескоро, – привычно пробасил дед Ервей, но его перебил Алошка.

– А куда ты? – синие глазенки светились наивным любопытством.

– Ну, – смутился старик, – хм... хм... На свидание.

– Ооо! – удивились внуки.

– И я с вами! – нагло заявила я и бросилась надевать свой полушубок.

– А ты зачем? – недоуменно сдвинул седые брови старик.

– Ни разу на свидании не была.

6

– Ты серьезно? – спросил меня Даль.

– Да. А ты, собственно, о чем спрашиваешь?

– Пойдешь ли ты с дедом на свидание, – пояснил мысль брата Алошка.

– Я уже! В смысле, одетая и иду. – Я застегнула пуговицы и подхватила вконец растерявшегося старика под локоток.

– Нет, я про то, что ни разу не была на свидании, – уточнил Даль.

– Как-то никто не приглашал, – бросила через плечо я, всецело поглощенная выпроваживанием деда Ервея на улице. Тот еле передвигал ноги, изображая немощную рухлядь, видимо, пытаясь таким образом меня убедить в необходимости оставить его в покое. Не на ту напал! Я вывела старика из дома и плотно прикрыла за собой дверь.

На крыльце немного подрастерялась уже я, ошеломленная крепким морозцем и яркими ароматами зимы. До сегодняшнего утра мне не доводилось бывать на улице этого мира вне пузырька. Не потому, что Даль не разрешал, просто не собиралась привыкать к городу, не хотела обманываться иллюзорной свободой, которую на самом деле еще не известно, когда получу, да и, если честно, опасалась встретить бывших хозяев. Разумеется, меня никто не узнал бы, однако видеть людей, неприглядная правда о которых тебе известна в боль-

шей степени, чем кому-либо, не самая приятная вещь. До чего хочется стереть из памяти то время, пока я сидела в магическом сосуде!

Я вдохнула полной грудью ледяной воздух, тут же впившийся иголками в горло, и закашлялась. Самым насыщенным и знакомым ощущался запах хвои. Я осмотрелась. В центре площади возвышалась гигантская елка, убранная магическими огнями и местными украшениями. Из окна лавки предоставляется неплохой обзор на зеленую красавицу, но я не подозревала насколько впечатляющим окажется вид снаружи. У меня появилось желание подобно Алошке побежать к Далю и, схватив его за руку, вытащить на улицу, чтобы вместе ахать от восторга и любоваться великолепнейшей новогодней елкой со всех сторон.

– Ну? Чего застыла, Ириса? Пойдем что ли на свидание? – слабым голосом прокряхтел дед Ервей.

– Еще пять минут назад вы были бодры и полны сил, – хмыкнула я, не удержавшись, чтобы не поддеть этого драматического актера.

– Еще пять минут назад я собирался на свидание с прекрасной илеей, мудрой, зрелой, – ворчливо отозвался он. – Кто бы знал, что придется выгуливать малолетнюю девчонку.

– Да ладно вам, уважаемый. Я надолго не задержу. Вы даже успеете к своей илее. Просто покажите мне направление, куда идти, и я сама отыщу травницу.

– Так ты к травнице решила сходить? Узнать побольше о

линси что ли?

– Да. То, что вы сказали в прошлый раз, напугало меня. Не хочу никому навредить, поэтому собираюсь задать ей несколько вопросов.

– А чего комедию ломала?

– Чтобы Даля и Алошку во все это не втягивать.

– Вот, значит, как. Что ж, одобряю. Быть может, и меня с собой возьмешь? Я не прочь послушать, что тебе скажет травница. Да и одной по улицам тебе негоже разгуливать, все-таки неместная, мало ли.

– А как же свидание?

– Успеется. Я никому ничего не обещал, просто обхожу старых знакомых потихоньку. Чтобы, так сказать, уважить всех после долгой разлуки. – Ого! А дамочка у деда, похоже, не одна? Или привирает старик? – Позже загляну. Да и..., если честно, твое свидание, как я погляжу, поинтереснее будет.

Разве можно после подробного комплимента отказаться от его компании?

Как я и предполагала, травниц в городе обитало немного. Ближайшей оказалась та самая ведьма, что продала меня илору Крокусу. Хоть и видела я ее лавку только изнутри, а признала с первого взгляда. Уж больно приметными оказались занавески и покосившаяся напротив окна невысокая ограда – то, на что мне довелось почти полгода смотреть, бездействуя в пузырьке на полке.

Стукнув тяжелым молотком в дверь, мы с дедом Ервеем услышали, как с той стороны отодвинулся тяжелый засов. Не каждого к себе пускала старуха, но нам каким-то чудом повезло.

Перешагивая порог лавки, я ощутила иррациональный страх. Чего мне бояться? Худшее здесь со мной уже произошло, когда я стала подневольной исполнительницей чужих желаний. Но вопреки моим разумным рассуждениям сердце забилось часто-часто.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, зажмурилась и сделала пять шагов внутрь лавки – как я помнила, ровно столько могли пройти посетители травницы, прежде чем натыкались на выставленное в центре зала кресло-качалку. А открыть глаза решилась только после громогласного приветствия позади себя.

– Утро доброе, уважаемая! – пробасил дед Ервей и почтительно снял меховую шапку, под которой седая шевелюра оказалась напомажена странной гадостью и поблескивала в полумраке лавки. Ну точно на свидание собирался, не врал, выходит.

– И вам доброе, – прокряхтела травница и вынырнула из кокона шали, вставая с кресла.

Оказавшись с ведьмой нос к носу, я захлопала глазами. Столько времени мечтала о том, как произойдет наша встреча, как сожмутся мои пальцы на тощей, морщинистой шее, как вырвется последний хрип из горла старухи... Однако

моя ненависть растворилась во времени, злость и обида исчезли. Сейчас я совершенно ничего не чувствовала к пожилой женщине и не была готова увидеться с ней вот так, совсем близко, а не через мутную зелень стекла.

– Линси! – улыбнулась травница с любопытством рассматривая меня. – Мальчик все-таки выпустил тебя из сосуда. Пришла отомстить?

– Ну что вы, уважаемая, – вклинился дед Ервей, – мы здесь совсем по другому поводу.

Но травница даже не взглянула в сторону старика. Зрачки в белесой радужке пристально изучали мое лицо.

– Есть за что? – в том же тоне поинтересовалась я.

Покряхтев и поняв, что его помощь не требуется, дед Ервей присел на кушетку.

– Ты, наверняка, уверена, что во всех твоих бедах виновата я. – Старуха словно что-то ожидала от меня.

– А вы так не считаете?

Травница пожала плечами.

– Если бы не я сотворила магический сосуд, его создал бы кто-то другой. Ты могла попасть не только в наш мир, но и в любой другой, кто знает, что тебя ожидало бы там... – Ее странные выцветшие глаза сверкнули, и я, как наяву, увидела рабов, тяжело работающих ради исполнения желаний своих хозяев, падших женщин, вынужденных подчиняться очередному клиенту, зверей, страдающих на потеху народа и убивающих друг друга ради денежных ставок... Я тряхнула

головой и развеяла морок.

– Мне, оказывается, жутко повезло, – невесело усмехнулась я, пытаюсь отойти от ужасных образов, показанных мне травницей.

– Да. Еще как повезло. Ты – счастливица. Даже понимание языка этого мира тебе досталось легко и само собой. Только представь, какого это – не иметь возможности понять, чего от тебя требуют хозяева.

– Ужасно.

– Вот-вот. Ради таких как ты, я и делаю сосуды желаний.

– А сами почему не пользуетесь? – Наверное, вопрос прозвучал грубо, но не задать его я не могла.

– Создатели сосудов не пользуются своими творениями. Подобная работа вроде благотворительности.

– Но деньги берут, причем, не малые, – заметила я.

– Да, и почти все они уходят на материалы, из которых создается новый приют для очередной линси.

– И все эти линси – дурочки вроде меня, загадавшие нелепое желание?

Дед Ервей крикнул на мою самокритику. Но травница не стала меня убеждать в наличии ума.

– О, нет. Конечно, нет. У каждой линси свой способ оказаться в магическом сосуде. Так зачем ты пришла? Вряд ли, чтобы задавать глупые вопросы и получать никому ненужные ответы.

– На самом деле вы почти угадали, только я рассчитываю

получить нужные ответы, а еще лучше – мудрые советы.

– Ты меня заинтересовала, линси. Спрашивай.

Так просто? Я-то думала, что придется уговаривать, может даже умолять или угрожать. А травница готова ответить на любой мой вопрос?

– Что будет, если человек вообще никогда не загадает третье желание? – выпалила я с бешено стучащим сердцем. И чего разошлось?

– Ничего. Пока ты линси – не стареешь, не болеешь, не умираешь. Рано или поздно твой сосуд перейдет к другому хозяину, и хорошо если предыдущий из-за этого не пострадает. Будешь исполнять желания для следующего человека, вот и все.

Услышав подобное, дед Ервей грозно прочистил горло, но все же промолчал. Наверняка, выскажется на обратном пути, когда останемся наедине.

– По-другому отменить проклятие нельзя? – с надеждой спросила я.

– Ну, что ты, быть линси не проклятие, а дар. А подарками негоже разбрасываться.

– Но... – я хотела сказать, что мне не нужны подобные подарки, однако травница перебила.

– Нет! Только после исполнения трех желаний хозяина линси становится свободной и отправляется обратно в свой мир. Иного пути не существует.

– А если разбить пузырек?

– Это самое страшное, что с тобой может случиться в этом мире. Магический сосуд сложно разбить, но если уж подобное произойдет, то ты зависишь меж миров. Поверь, не самые приятные ощущения, когда все твоё существо разлетается на мелкие частицы. Есть шанс, что тебя приберут в иной мир, или в другой сосуд, но сколько времени пройдет до того, никто не знает. Некоторые теряют разум после длительного блуждания в междумирье.

То есть у меня нет выхода, как только подчиниться магической системе? Как ни крути, а выйдет по правилам, созданным жестокосердным демиургом? Неужели нет силы, которая могла бы противостоять магии?

«Любовь», – ответил старухин голос прямо в голове. Или мне только показалось?

Травница по-прежнему стояла напротив меня и грустно улыбалась.

– Иди, линси, – наконец, произнесла она, – все у тебя будет хорошо.

Не будет! Без Даля какое может быть счастье?

Но больше я от старухи ничего не услышала. Она уселась в свое любимое кресло-качалку и демонстративно завернулась в шаль, намекая, что собралась подремать, а незванным гостям пора покинуть ее лавку.

Я медленно вышла на улицу, прокручивая в голове то, что услышала, и подпрыгнула от неожиданности, когда дед Ервей громыхнул за моим плечом:

– Так значит, Ириса, остаться задумала? – грозно вопро-сил он, сдвигая кустистые брови. – Настолько плохо в своем мире, что не торопишься в него возвращаться? Готова Даля под удар поставить, лишь бы не вернули тебя обратно?

– Вы все не так поняли, – пискнула я, пытаюсь оправдать-ся, но старик не хотел меня слушать и продолжал возмущать-ся.

– Пригрел, наивный мальчишка, линси на своей груди. Он с ней, как с человеком, а она, значит, вознамерилась здесь прижиться. Хитрая бестия!

– Да что вы такое говорите! – наконец, не выдержала я об-винений. – Даль сам не загадывает последнее желание. Чем я-то провинилась? Я не могу отказаться от сказанного вслух желания, но и заставить что-то пожелать тоже не могу. Не в моих силах, понимаете?

– Я-то как раз понимаю больше, чем тебе хотелось бы. Очаровала Даля, вот он и тянет с желанием, чтобы не рас-ставаться. А ты и рада!

Я открыла рот, чтобы что-то ответить, но так и застыла. Неужели он прав, и я действительно готова пожертвовать всем на свете лишь бы оставаться рядом с Далем как можно дольше? А сам Даль? Настолько очарован мной, что закрыв-ает глаза на опасность владения линси, или все дело в его наивности?

– То-то и оно, – сделал собственные выводы дед Ервей. – Значит так, девка. Если к Новому году не уберешься из этого

мира, пеняй на себя. Разобью я твой пузырек. Не посмотрю, что обрекаю на вечные мучения, внука не позволю забижать. Так и знай.

– Но как же... Это же не в моих силах...

– В твоих, Ириса, только в твоих. Как хочешь, но убеди Даля загадать третье желание, иначе... Я все сказал и своего решения не изменю.

Вот и сходила на «свидание» с дедом на свою голову.

– Так-так-так. Кого я вижу! Уважаемый Ервей, – раздался знакомый голос за спиной. Между нами вклинилась высокая стройная фигурка, и затянута в перчатку тонкая ручка ухватила за дедов локоть.

– Уважаемая Мата! – явно обрадовался старик неожиданной встрече.

– А я смотрю, вы или не вы. На ногах, бодр и еще более привлекательный чем раньше.

– Уважаемая Мата, вы меня смущаете. – Дед зарделся, в этот момент здорово напоминая Даля. А я почувствовала себя третьей лишней.

– Нет, серьезно. По вам не скажешь, что вы только-только из лечебницы. Похоже, за вами был достойный уход. А я-то пилила Даля, за то, что отправил вас подальше от дома. Оказывается, он действительно хотел как лучше. До чего мне теперь перед ним неловко! – трещала без умолку соседка, не сводя сияющих глаз с деда Ервея.

– Что уж теперь, – смутился в ответ старик и с доволь-

ной улыбкой похлопывал по изящной ладони, уютно устроившейся на его локте. – Даль не маленький, должен понимать, вы исключительно по душевной доброте, так сказать, переживали...

– А как было не переживать! Но я так рада...

Я не стала дальше слушать светскую болтовню соседки и деда Ервея, а потихоньку отстала от них и перешла на другую сторону дороги. Наверняка, и не заметят даже.

Слушать воркование стариков было и умилительно, и горько одновременно. Несмотря на ежедневные «свидания», похоже, дед Ервей неровно дышал к Улькиной бабушке, вон как хвост распушил. У меня даже закрались сомнения, что не на свидания он ходил, а вокруг чужой пекарни прогуливался в надежде на нечаянную встречу. Что уж говорить про саму Мату, не находившую себе места, пока старик болел.

Меня снедала банальная зависть. Если они захотят, у их отношений появится будущее.

Больше не обращая ни на что внимание, я зашагала к лавке Даля.

– Так быстро вернулась? – удивился парень, когда я вынесла в торговый зал новую порцию пряников с кухни. – Не понравилось свидание с дедом?

Я на вопрос лишь тяжело вздохнула и пожалала плечами.

– Неужели все так плохо? – Даль вроде и улыбнулся, но с явным сочувствием.

– Легкомысленный у тебя дед, – пожаловалась я парню,

упаковывая пряничные фигурки в слюду с мини-салютом, – подумать только, как увидел соседку-булочницу, так про меня и забыл.

– Ну, – сделал паузу Даль, принимая от покупателя заказ, после чего приблизился ко мне вроде как за печеньем, а сам загадочно прошептал на ухо, – я не против, если у меня вскоре появится бабушка.

Я прыснула в кулак и выставила на полку очередной пряничный подарок в виде забавного медведя.

– А на счет свидания не расстраивайся, вечером закроем лавку и сходим к елке. Дед, конечно, у меня мировой, но с горки он точно с тобой кататься не стал бы.

– И на пружинках через елку прыгать, – добавила румяная женщина, принимая из рук Даля бумажный кулек выпечки.

– Пружинки? – не поняла я, но меня уже никто не слушал. Очередь включилась в наш разговор, самозабвенно перечисляя зимние забавы.

– И на досках молодежь любит порезвиться.

– И в ледяном лабиринте побегать.

– И снежные бои устраивать.

– Зато со стариками хорошо на санях кататься, – заметил горбатый дедок, буквально висящий на огромной клюке. Но его идею очередь не оценила – все-таки всем миром меня сватали на свидание с парнем, а не с пожилым человеком.

Вечером мы действительно пошли с Далем на площадь к елке. Я прекрасно понимала, что вызову тем самым недо-

вольство деда Ервея, но отказаться от небольшого, но такого манящего кусочка счастья просто не смогла. Пусть у меня останутся прекрасные воспоминания после возвращения в свой мир. Я их бережно сохраню в сердце и долгими одиночными вечерами буду жадно перебирать, вспоминая прогулку у новогодней ели. Разве я много хочу?

Несмотря на поздний вечер, народу у елки оказалось полно. В основном молодежь. В этом мире Новый год начинали праздновать загодя, и чем ближе к заветной дате, тем больше устраивалось забав и увеселений. Днем на площади резвилась детвора, к вечеру выходило гулять старшее поколение, ну, а ближе к ночи появлялись компании молодых людей и влюбленные парочки.

Как и советовали покупатели в лавке «Сладкие радости», мы перепробовали все развлечения, устроенные на площади к новогоднему празднеству. Больше всего на меня произвели впечатление те самые «пружинки». Этот невероятный аттракцион устраивался лишь раз в году. На магических пружинах запускали небольшую платформу. Та спиралью неспешно обходила праздничную ель, позволяя вблизи насладиться украшениями и видом сверху, на пару минут зависала над макушкой, после чего под резким уклоном неслась на большой скорости вниз, и только почти у самой земли замедлялась и притормаживала. Ни перил, ни поручней, за которые следовало держаться, не было. Безопасность обеспечивала все та же магия, однако доверия к ней я не испыты-

вала от слова совсем.

Стоило платформе сдвинуться с места, как я вцепилась в рукав Даля обеими руками. Синие глаза в обрамлении густых черных ресниц удивленно захлопали. Парень не сразу сообразил, что я впервые катаюсь на подобном аттракционе, а когда понял, то обнял меня со спины и прижал к себе.

Мне стало жарко. Ледяные вихри воздуха приятно обдували мои пылающие щеки, а редкие снежинки, касаясь раскаленной кожи, в доли секунды таяли и испарялись. Дыхание сбилось. Что со мной происходит?

– Уже не страшно? – спросил Даль, согрев дыханием мою ушную раковину. Мне кажется, я покрылась алой краской до самых пят. Как хорошо, что нас с земли особо не разглядеть.

С земли? Ой, мамочки мои, мы поднялись никак не меньше, чем на высоту семнадцатипэтажки! И это только половина пути.

Я судорожно схватила обнимающие меня руки. В ответ теплые ладони крепко держали меня, обещая не отпускать.

– Посмотри, какая красота, – прошептал Даль, выдыхая облачка пара, и я перевела взгляд с заснеженной под нами площади и крошечных людей на ель.

Она была поистине великолепной! Иголочка к иголочке. В густой зелени сверкали разноцветные огоньки гирлянд, танцующая под дивную мелодию. В неясном свете иллюминации таинственно поблескивали крупные шары с живыми картинками, распускались дивные снежные цветы из мельчайших ле-

дяных кристалликов, с ветки на ветку перепрыгивали зверушки, созданные магией из огненных искр необжигающего огня. Каждое елочное украшение стоило того, чтобы подняться на головокружительную высоту и полюбоваться им. Маги потрудились на славу.

– Нравится? – вывел меня из зачарованного состояния Даль, и я только тогда поняла, что все это время задерживала дыхание.

– Не то слово!

Где еще я могла бы увидеть подобное великолепие.

Платформа поднялась над елочной макушкой и завращалась, позволяя насладиться панорамным видом на город.

– Дух захватывает! – призналась я, пытаюсь за короткое время успеть охватить взглядом как можно больше, впитать в себя раскинувшуюся передо мной красоту и запечатлеть в памяти.

Платформа опасно накренилась, будто пытаюсь нас скинуть с себя.

– А теперь закрой глаза, – посоветовал Даль и, перехватив мои руки, спеленал и прижал всю меня к себе.

Едва успела послушаться, как коварная платформа рванула вниз. Земные аттракционы с горками отдыхают. В животе связался крепкий узел от напряжения. Я еще сильнее вжалась в Даля, молясь, чтобы он не вздумал меня отпустить.

Спустя несколько секунд, а быть может целую вечность, ощущение падения сменилось на приятную парящую лег-

кость.

– Все, трусишка, открывай глаза. – Даль повернул меня к себе, чтобы помочь сойти с платформы.

Наши глаза встретились, и я затаила дыхание. Мы уставились друг на друга, будто не виделись вечность.

– Я давно хотел сказать тебе... – торопливо начал Даль, словно боялся, что секундой позже передумает и уже не решится сказать. Но его перебили.

– Желаете еще один заход сделать, уважаемые? – поинтересовался маг, отвечающий за аттракцион.

– Нет, спасибо! – вскрикнула я, чем развеселила окружающих. – Мне безумно понравилось, но еще раз подобный спуск не осилю. Во всяком случае в ближайшее время.

Маг посмеялся и обратил свое внимание на следующую парочку, интересующихся столь оригинальным развлечением. А Даль обхватил меня за талию и приподнял, чтобы снять с платформы. Млея от удовольствия, я улыбалась. Но недолго. Улыбка стекла с губ, как только мой взгляд, бездумно скользящий по толпе, наткнулся и провалился в ненавистные черные глаза. Илор Крокус! Внутри меня прокатился колющий ком и застрял в области ребер.

Былая красота и статность илора пропали. Мужчина исхудал, глаза ввалились, а посеревшая кожа туго обтягивала череп, грозя вот-вот лопнуть. Но это действительно был он. Мой первый хозяин.

Тонкая полоска крепко сжатых синюшных губ медленно растягивалась и прочерчивала по лицу жуткую улыбку. Илор Крокус выжил. И, кажется, готов мстить всему миру.

С моей помощью.

Меня затрясло.

– Лара, ты замерзла? – обеспокоился Даль, ощутив дрожь моего тела. Поставив на ноги, он склонился на до мной, тем самым загородив от Крокуса. – Пойдем домой?

– Да, давай вернемся в лавку, – поспешила согласиться я и, отодвинувшись, метнула опасливый взгляд на место, где только что стоял мужчина. Но тот пропал, будто его и не было. Однако я знала – не показалось. И скоро илор что-то предпримет, чтобы вернуть линси, которую он считает своей.

Нужно его опередить!

Скрепя сердце я выскользнула из объятий Даля и зашагала к лавке так быстро, как только могла. Нельзя беспечно ждать, беда наступает на пятки.

Даль догнал меня почти у самого дома.

– Подожди, – попросил он и легонько сжал мои плечи ладонями, задерживая на месте. – Я хотел тебе кое-что сказать...

– Мы не могли бы поговорить внутри? – Мои глаза с беспокойством пробежали по округе. Вдруг Крокус пошел за нами? Нужно скорее зайти в лавку!

– Нет. Там дед и Алошка вечно любопытничают. Я не задержу тебя надолго. Ты же согрелась уже, правда? Больше не дрожишь.

Меня действительно перестало трясти. То ли быстрая ходьба помогла прийти в себя, то ли правильный настрой. В конце концов, все мы боимся лишь неизвестности, а стоит принять хоть какое-нибудь решение, тогда даже шаткая определенность превращается в опору, отгоняет панику.

– Хорошо. Говори, только быстро, – согласилась я. Если илор действительно проследил за нами, то неважно, прощмыгнем мы за дверь сразу или простоим около нее хоть полчаса.

Даль набрал в грудь побольше воздуха.

– Скажи, Лара, ты сильно хочешь вернуться домой? Или, быть может, уже привыкла к нашему миру и... – выпалил он на одном дыхании, но все-таки под конец осекся и замолчал.

У меня на глаза навернулись слезы. Наверное, от холодного ветра. С чего бы мне плакать? Вот он, решающий момент, чтобы вымолить у Даля последнее желание. Только почему открываю рот, а звуки не желают произноситься?

– Я... я...

Даль замер, ожидая моих слов.

– Я очень хочу... – Давай, Ларочка. Прямо сейчас! От тебя зависит благополучие Даля, а быть может, даже жизнь. – Хочу очень домой! Очень-очень! Прямо сейчас. Пожалуйста, Даль, миленький, загадай последнее желание. Прошу тебя, разрушь чары линси!

Я просила и рыдала, и снова просила. Слезы текли ручьями. А я никак не могла остановиться. Меня накрыла банальная истерика.

– Я сделаю все, что ты попросишь. – Даль гладил мое лицо теплыми ладонями и стирал слезы, норотившие превратиться в льдинки на холодном ветру. Мороз крепчал и больно щипал меня за мокрые щеки. – Только не плачь.

– Сейчас? – уточнила я, все еще содрогаясь от рыданий. Вышло сипло и капризно.

– Конечно, прямо сейчас, – заверил меня Даль. – Я давно знаю, что следует загадать, просто мне казалось, что тебе в этом мире понравилось, и хотел тебя удержать чуть подольше. Прости...

До чего он меня здорово понимает! Вот почему он тянул с последним желанием. Давал мне напоследок еще немного погостить и насладиться чудесами этого мира. Ну, почему он такой замечательный?

Я снова зарыдала в голос.

– Мне даже в голову не приходило, что ты так сильно ску-

чаешь по дому. Если бы я только знал! Пожалуйста, не плачь. Не плачь, я загадываю... Уже загадываю...

Мне стало еще страшнее. Уже за себя. Сейчас Даль пожелает что-то, и я, хлопнув в ладоши, исчезну из его жизни навсегда.

– Я хочу...

Из груди рвалось: «Не надо», но я лишь крепко закусила щеку изнутри, чтобы ни в коем случае не помешать ему загадать последнее желание. Только так можно спасти Даля от Крокуса.

– ...хочу, чтобы илея Лоус первого числа нового года пришла в храм на церемонию Счастья с благословения своих родителей.

Перед моими глазами замелькали варианты исполнения странного желания. Оказывается в этом мире с незапамятных времен существовала красивая новогодняя традиция: по утрам все незамужние девушки шли в храм, чтобы снискать благословение духов, а желающие к тому же могли выйти замуж, заранее договорившись с возлюбленными. По поверью бракосочетание в первый день нового года приносило счастье, кроме того, не требовало расходов на свадьбу, чем особенно любилось семьям с небольшим достатком. Родители прекрасной илеи Лоус уже который год не пускали дочь в храм, нарушая священные традиции. А все потому, что собирались выдать дочь по расчету и не желали рисковать, давая девушке возможность выбрать себе супруга по сердцу.

Ревность захлестнула меня, давя на грудь тяжелым камнем. Так значит, у Даля все это время была любимая! И не вместе они лишь потому, что ее родители против неравных отношений. До чего я была слепа. Мне казалось, что я ему нравлюсь! Но Даль просто сочувствовал мне. Обычную доброту я приняла за симпатии. Разве не дурочка?

Слезы душили меня, и я безуспешно пыталась с ними справиться.

Так даже лучше. Пусть Даль будет счастлив. А я... мне все равно придется уйти в свой мир.

Я хлопнула в ладоши на самый радужный вариант исполнения желания, где родители доверяют выбору дочери и желают ей всего самого наилучшего в браке с любимым.

– Ты не исчезла! – Даль по-прежнему держал в своих ладонях мое лицо и удивленно рассматривал, будто видел впервые.

– Дождись утра нового года, – буркнула я, – как только илея шагнет в храм, тогда и я... – Дальше говорить уже не смогла, боясь снова заголосить, а потому выкрутилась из рук Даля и, закусив кулак, позорно сбежала.

В лавку ворвалась вихрем, на ходу сдирая с себя полушубок и шарф. На крючок их бросила не глядя. Сапоги стянула в два резких движения. На второй этаж взлетела, перепрыгивая через несколько ступеней, и только у своей двери наткнулась на препятствие. Дед Ервей стоял и хмурился. Нет сомнений, злился, что вопреки его требованию ушла гулять

с Далем. А потому, не дожидаясь, пока старик начнет меня отчитывать, перебила его, уже открывавшего рот.

– Даль загадал желание. Утром нового года я исчезну из вашей жизни.

Я хотела его обогнуть и спрятаться в комнате, которую мне выделили на время проживания в этом мире, но не тут-то было. Дед сгреб меня в охапку и прижал к себе. Больше терпеть я не смогла. Слезы новым водопадом полились, орошая мужскую рубаху, пахнущую хлебом и хвоей.

– Поплачь, девочка, поплачь. Легче станет. Ты все правильно сделала, умничка моя, поплачь, – утешал дед, поглаживая меня по голове крупной мягкой ладонью.

Следующие дни стали для меня мучением, отравленные ожиданием неизбежного. Даль прятал взгляд и держался на расстоянии. Дед Еревей пытался делать вид, что ничего особенного не произошло, но у него это плохо выходило, и его неестественное поведение жутко напрягало. Единственный, кто по-прежнему радовался жизни и моей компании – Алошка, как и раньше проявляя трогательную заботу и безграничное обожание.

В себя я пришла тридцать первого числа. Новый год. А у меня настроение хуже, чем когда-либо. Так не пойдет! Осталось всего несколько часов, которые я могу провести с дорогой мне семьей, пусть не родной и временной, но ставшей за прошедший месяц бесконечно любимой.

– Чем займемся? – с наигранным воодушевлением спро-

сила я за обедом после закрытия лавки. На сегодня и завтра работа была закончена.

– Вообще, принято навещать родственников в канун Нового года, но нам не к кому идти в гости, – озвучил дед Ервейто, что я и раньше знала.

– Тогда предлагаю решить, как будем отмечать праздник, раз уж бродить по родственникам не придется.

– Ну... – задумался Даль, – обычно ближе к ночи мы вместе готовили праздничные блюда, ужинали, а после полуночи ложились спать.

– Уууу, как скучно, – прокомментировала я.

– Вот точно! – поддержал Алошка. Он был рад любой затее, исходившей от меня.

– Тогда, быть может, поиграем? – предложила я. – Могу вспомнить несколько домашних развлечений.

– Да! – радостно воскликнул Алошка. Далю и деду ничего не оставалось, как согласно покивать.

– На улице сегодня тепло и снег отличный, самое время поиграть в снежки и налепить смешных фигур.

– Согласен!

– А еще, праздники без песен и танцев – это не праздники.

– Ириса, ты моя самая большая любовь в жизни! – растроганно признался Алошка. – После Ульки, конечно.

Я ласково провела по вечно торчащим в разные стороны волосенкам. И что можно ответить на столь милейшее признание?

Раздался стук дверного молотка.

– Кто-то не успел купить гостинец для похода по родне? – удивилась я, поднимаясь со стула и устремляясь к двери.

– Дай-ка я, – насупился дед Ервей и отодвинул меня в сторону. Впрочем, его подозрения оказались напрасны.

– А это мы! – проверещала от порога Улька. За спиной у нее стояла бабушка с двумя коробками.

– У нас в этом городе нет родни, – пролила свет на свой приход соседка, – поэтому мы решили навеститься к вам.

Стоит ли говорить, что дед Ервей и Алошка встретили гостей на ура.

В большой коробке оказалась пышная булка с цукатами и ванильной посыпкой.

– Мне понравилась ваша идея с подарками для родни к Новому году, – чуть смущаясь пояснила Мата. – Я решила тоже что-то такое повторить. На этой неделе делала подарочные витушки и продавала их в коробках для торта. Мне кажется, вышло не плохо.

М-да, просто сама невинность. Даль только появился на рынке с новой идеей, причем, постарался не конкурировать с соседкой, как она тут же подхватила его гениальный замысел.

Правда, сам Даль и его дед отнеслись к подробной выходке совсем иначе.

– Уважаемая Мата, вы удивительная женщина с невероятной деловой хваткой! Далю не помешало бы поучиться у

вас, – восхитился старик.

– Почту за честь, – произнес Даль скромно и без всяких намеков на то, что его задел поступок соседки или покоробили слова деда.

Удивительные мужчины! Может, поэтому с ними так легко и уютно рядом?

Мата от удовольствия зарделась и принялась организовывать чаепитие, чтобы попробовать ее булку.

Ладно. Возможно, ошибаюсь именно я, и соседка никогда не имела злого умысла.

Как бы то ни было, мы все вместе провели время просто замечательно. В играх, песнях и лепке снеговиков. Мата и Ервей в энтузиазме не уступали внукам. На просторной кухне места хватило всем желающим покулинарить. А ближе к полуночи соседка предложила погадать на главные события наступающего нового года.

– Сторговала за бесценок у самой настоящей магини, – похвалилась она, распаковывая вторую коробку, принесенную с собой, и вынимая из нее... шар, похожий на елочный, только размером с футбольный мяч. Она бережно выставила его на стол и предложила всем прикоснуться к артефакту.

– Нужно настроить магию предсказания общими энергетическими вибрациями. Поэтому все, кто хочет заглянуть в будущее, прошу... – Она первая приложила кончики пальцев к поверхности шара, показывая, как нужно «заряжать» магический гадатель.

Мы дружно присоединились. Минуты две ничего не происходило. Улька с Алошкой успели заскучать и начали демонстративно вздыхать, правда, пальцев не отрывали от артефакта. Наконец шар вспыхнул ярким светом и бешено замигал.

– Все! Можно начинать, – торжественно объявила Мата и убрала руки. – Кто первый?

– Я! Я! – заголосили хором Улька и Алошка.

– Ладно, давай ты, – по-рыцарски решил уступить мальчишка своей возлюбленной. – Я просто подумал, что ты боишься быть первой.

– Вот еще! – фыркнула девчонка. – Нашел малявку трусливую.

Она с азартом повернулась к бабушке:

– Как он работает?

– Обхвати ладонями шар и посмотри, что он покажет.

Улька кивнула, встала коленями на табурет, чтобы дотянуться до центра стола, и склонилась над артефактом.

– Ну? Что там? – нетерпеливо спросил Алошка, елозя на своем месте.

– Не знаю. Бу-у-уквы, – разочарованно протянула Улька.

– Здесь написано, – таинственным голосом продекларировала Мата, заглянув в шар, – что наступающий год тебе принесет много приятных сюрпризов. Только успевай радоваться каждому.

Девчонка задумалась, хмурия тонкие светлые бровки. А че-

рез минуту резво подскочила с широкой улыбкой и кинулась к другу.

– Мне нравится! Теперь Алошке.

Мата подалась к мальчику, чтобы помочь с предсказанием, но тот приподнял ладонь, останавливая соседку.

– Я немного умею читать, – успокоил он ее и потянулся к шару.

Наступила тишина ожидания.

– И? – наконец, не выдержала Улька.

– Я же сказал, что читать умею немного, еще не все буквы знаю. Такие вижу в первый раз, – наконец, признался мальчишка.

– Год исполнит самую светлую и добрую твою мечту, – прочитала Мата, не дожидаясь просьбы от мальчика. – Ты получишь то, чего тебе больше всего не хватает.

Мальчишка прижал кулаки к груди и тепло улыбнулся. Наверное, о чем-то стоящем мечтал.

– Вот повезло! – одобрила Улька, хлопая друга по плечу. – Теперь ты, ба.

– Ну, ммм, мне будущее приготовило покорение новых вершин, – ответила женщина, томно прикрывая глаза.

Кто бы сомневался! Небось и деда Ервея приберет к рукам, и лавку его.

Однако, заметив доброжелательные взгляды, которыми одаривали Мату мужчины, я устыдилась своих мыслей. Быть может, я не права на счет соседки? Как рассказывал Даль,

женщина появилась в городе с внучкой неожиданно и создала свое дело буквально с нуля: сначала приторговывала пирожками, потом накопила денег и открыла лавку, а позже даже наняла работниц. Можно ли судить человека, не пройдя его жизненного пути? Позволительно ли клеймить, не запнувшись обо все камни на его дороге? Кто знает, от чего бежала женщина в чужой город с внучкой на руках. Тут не до святости, прокормить бы ребенка, о других вряд ли задумаешься.

Следующим по кругу оказался Даль. Он обнял ладонями шар и почти сразу оттолкнул.

– Что там было? Что? – засыпала его вопросами малышня. – Ну скажи, Даль. Скажи-скажи-скажи...

– Счастливый брак, – обронил он и, бросив на меня беглый взгляд, тут же спрятал глаза.

Ну, это-то я знаю. То же мне новость. А вот остальные оживленно принялись обсуждать, на ком же женится Даль, если девушек он, как правило, сторонился.

– Мне Ириска нравится! – пытался перекричать громогласного деда Алошка.

– А Даль на нее даже не смотрит, – заметила внимательная Улька.

– Но как посмотрит, как выберет ее, и исполнится мое самое-самое желание! – не унимался мальчишка.

– А как возьмет, как женится на другой, – решила подразнить его подружка.

– Тогда я сам на ней женюсь! – зло заявил Алошка и показал Ульке язык.

– А я? – в глазах девчонки появились слезы.

– А ты меня не любишь, раз не хочешь, чтобы Ириска женилась с Далем.

– Я очень хочу! Правда-правда! Пусть женятся, – пошла на попятную отвергнутая невеста.

– Вообще-то о таких вещах вам рано думать, – строго одернула обоих Мата, наконец, расслышав, о чем спорит малышня. Она подошла ко мне, не знающей куда спрятать от неловкости глаза, и тихонько сжала мои плечи. – Не обращай ни на кого внимания, – прошептала она мне на ухо так тихо, что только я и расслышала. – Просто иди к своей цели.

В горле встал комок. Не ожидала я ничего подобного от Маты. Она дала мне совет, которому следовала сама. И... наверное, ее жизненная позиция правильная. Для нее. Сама я не стала бы отбивать Даля у другой, даже если бы имела возможность остаться в этом мире.

– Эйх, – крикнул дед Ервей. – Теперь моя очередь, выходит. Та-ак, так-так, что тут у нас? Хм.

– Да не томи уже, дед, выкладывай, – поторопил старика Даль, вот только в его глазах не промелькнуло ни капли заинтересованности. Ожидал иного предсказания для себя? Потому потухли взгляд и улыбка?

– Не может быть! – воскликнул старик и хитро заулыбался.

– Что-что-что? – тут же активировались Улька с Алошкой.

– Увеличение семьи! Причем, с обещанием счастья и процветания.

Неужели дед Ервей женится на Мате? Она даже глаза потупила, видимо, подумав о том же.

– Ну-у-у. Это само собой, раз Даль женится, – разочаровалась ребятня. – Осталась Ириса!

Я приложила ладони к прохладному шару, и блестящая поверхность подернулась дымкой. Из туманных завихрений появились слова.

– «Глобальные перемены. Иная жизнь, иные мечты», – прочла Мата, все еще стоявшая у меня за спиной. Шар схлопнулся, будто был мыльным пузырем, рассыпая вокруг себя красивые искры.

– Ооо! – глубокомысленно протянула малышня. Дед Ервей вздохнул, а взгляда Даля я так и не смогла поймать. Он уткнулся в столешницу.

Что ж, ничего нового шар не сказал. Зато хоть не соврал. Вернусь домой и моя жизнь действительно повернется на сто восемьдесят градусов. Как иначе – жизнь линси и обычной земной девчонки кардинально различается. Только не радуют меня такие перемены. Совсем.

Мата снова легонько пожала мне плечи, пытаясь подбодрить.

Все! Хватит хандрить и портить самой себе праздник. Ведьма сказала, что я – счастливица. И это действительно

так. Мне повезло встретить Даля, а до этого – попасть именно в сосуд травницы вместо иных жутких миров, и всему этому предшествовало исполнение моего глупейшего желания на Новый год.

Стоп! Вот оно! Мое личное чудо! Хотя... тогда мы проводили с девчонками Маняшкин ритуал. Но все-таки... Вдруг главную роль сыграла вера в волшебство, а не атмосферные атрибуты?

Тогда... Стоит попробовать снова загадать желание, ведь сегодня Новый год!

Я воспряла духом! Словно откликаясь на мои мысли, слышались удары колокола.

– Новый год наступает! – Все засуетились и бросились открывать окна и входную дверь.

– Традиция, – шепнул Даль, заметив с каким недоумением я слежу за странными хлопотами, раскрыв рот. – Нужно впустить Новый год в свой дом, тогда придут хорошие перемены, а все, что было плохого в прошлом, покинет через окно.

– А у нас традиция в последнюю минуту уходящего года загадывать желание, – поделилась я и подняла на парня глаза. Сердце бешено забилося о грудную клетку.

Он смотрел прямо на меня, наверное, впервые с того момента, как загадал свое последнее третье желание. Тусклый взгляд, какого не должно быть у человека, предвкушающего воссоединения с любимой. Неужели он женится только ради

состояния благородной илеи? Не может быть! Совсем не такого счастья я желала бы доброму и отзывчивому Далю. А в том, что его сердце золотое, а душа – прекрасна, я ни капли не сомневалась. Уже нет. Скорее знатная и богатая невеста – желание прагматичного деда Ервея, но никак не Даля. Решил уважить старика?

– Нужно попробовать, – произнес парень. Совсем без улыбки, что было на него совсем не похоже.

У него остались еще какие-то желания?

– Поближе, поближе к двери, – загомонило старшее поколение, – чтобы всем досталось нового счастья!

Колокол отбивал последние секунды. Не сводя глаз с Даля, я мысленно проговорила свою мечту: «Хочу быть с ним».

Я знала, что снова загадала желание не точно, без важных подробностей. Однако мне не хотелось насильно привязывать к себе любимого парня. Пусть будет так, как будет, единственное, чего я жаждала – это быть рядом с ним. В качестве линси или помощницы в лавке, не важно. Главное – видеть, как он живет, трудится, отдыхает, радуется, иногда грустит. Видеть его сияющую улыбку, подобной которой нет во всей Вселенной.

8

За завтраком царила мрачная атмосфера. Даже Алошка, начав щебетать, резко оборвал рассказ на полуслове, глядя на наши хмурые лица.

– Дед, мы к Улине пойдем? – осторожно спросил мальчишка, чуя, что-то нехорошее, но не зная истинной причины нашего настроения.

– Конечно, – нехотя отозвался дед Ервей, – мы же обещали.

– Давай прямо сейчас? – воспрял Алошка.

Старик посмотрел на меня, и я постаралась как можно искреннее улыбнуться.

– Всего вам доброго. Хорошо повеселиться, – пожелала я, и дед Ервей понял, что это мое прощание с ними.

– Конечно, сейчас, – обратился он к внуку. – Чего сидим? Одевайся. Пойдем уже.

Алошка с радостными криками выскочил из кухни. А старик обернулся ко мне.

– И тебе всего наилучшего, девочка Ириса, – пробормотал он и, вздыхая, удалился.

– А ты почему не собираешься? – спросила я Даля, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно. – Разве ты не идешь в храм с илеей Лоус?

– Сначала провожу тебя, – сухо отозвался Даль, не отры-

вая взгляда от своей тарелки.

– Хорошо, – изображая беззаботность, откликнулась я, – пойдем вместе. Нехорошо заставлять невесту ждать.

Даль поперхнулся, но промолчал.

Погода выдалась чудесная. Легкий морозец. Яркое, слепящее солнце искрилось, подсвечивая снежные сугробы, и те сияли сахарными барханами. Невероятная красота.

Мы шагали с Далем по площади и не находили друг для друга слов.

Я вот-вот исчезну, но почему-то человек, ставший за последний месяц для меня самым близким и дорогим, до сих пор так и не сказал мне свое «прощай». Как, впрочем, и я сама молчала. Вместо того пыталась сдержаться и не разрешиться прямо здесь и сейчас. Еще не хватало остаться в памяти у Даля с красным носом и опухшими от слез глазами.

Я украдкой покосилась на парня. Он не сводил взгляда с храма, вернее, с посетителей, толпившихся у входа. До нас доносились приветствия и поздравления. Девушки компаниями и в одиночку входили внутрь, а их место занимали новые прибывшие.

Его шаг замедлился, а кулаки в напряжении сжались. На кого же он так пристально смотрит? Кажется, вон на ту девушку. Она и есть та самая илея Лоус? Высокая, стройная. Рыжая шубка чудо как шла к смоляным волосам и нежной молочной коже. Девушка робко оглядывалась, будто не веря, что родители все-таки отпустили ее на традиционную цере-

монию Счастья. Постепенно на коралловых губах расцвела даже не улыбка, пока только ее намек, но даже он делал илею сказочно красивой.

Я посмотрела на Даля, одновременно страшась и надеясь увидеть в его глазах любовь к неизвестной девушке. Пусть она сделает его счастливым! Но Даль теперь смотрел почему-то только на меня. От его взгляда все внутри переворачивалось, душа стенала и выла зимней вьюгой. Как больно. И, похоже, не только мне.

Мельком бросила взгляд на илею Лоус – она уже почти дошла до дверей храма.

– Пора прощаться, – с трудом выдавила я.

– Нет, – хрипло попросил Даль. – Еще секунду. Пожалуйста. Только одно мгновение.

Да. Пожалуйста, небеса. Еще хотя бы секундочку рядом с ним.

Я жадно всматривалась в родное лицо, сейчас застывшее маской. Казалось, только глаза и жили на нем. Глаза, в которых можно пропасть...

– Ну уж нет, никаких секундочек! – смазанная черная клякса сшибла Даля с ног. – Она моя!

Илор Крокус с искаженным безумной гримасой лицом придавил Даля к заснеженной земле и, навалившись всем телом, пытался добраться до горла противника. Несмотря на крайне болезненный вид, мужчина не уступал парню в росте и физической силе. Будто демон вселился в илора. Даль со-

противлялся, но получалось плохо.

– Не для того я выжил, чтобы делиться своей линси, – бормотал Крокус. – Я гонялся за ней по всему краю, с того момента, как встал на ноги. Я столько тварей замучил и убил вот этими самыми руками. Меня ничто не остановит. Я ее получу, чего бы мне это не стоило!

Крокус на мгновение оглоушил Даля кулачищем и, воспользовавшись моментом, добрался-таки до шеи парня. Собрался удушить? Я бросилась на помощь, но Даль справился и без меня. Нанес несколько ударов по ребрам, после чего изловчился и сбросил с себя мужчину.

Однако Крокус добился того, ради чего затеял потасовку.

– Она моя! – Вставая на ноги он торжествующе потрясал кулаком, в котором зажал магический сосуд, сорванный с груди Даля. Дикий хохот прокатился по площади. Немногочисленные прохожие с удивлением оборачивались на бесноватого илора, но не вмешивались, торопясь в храм. Где же стражи порядка?

Руки и ноги Крокуса дрожали, глаз дергался, а рот рваной дырой искажал когда-то красивое лицо.

– Моя! – голосил он.

– Поздно, – прохрипел Даль и потер горло, поврежденное цепочкой. Хорошо, не на веревку вешал сосуд желаний, иначе Крокус точно придушил бы. – Третье желание вот-вот исполнится.

– Да ни за что! – Глаза Крокуса страшно выпучились. – Я

предусмотрел все!

Он со всей дури бросил на обледенелую землю пузырек. Но мое бывшее убежище оказалось прочнее, чем казалось на первый взгляд. Жалобно звякнув, магический сосуд несколько раз подскочил на месте, а затем шустро покатился прочь.

И мужчина, и парень бросились за стекляшкой, отпихивая друг друга и осыпая остервенелыми ударами.

Даль двигался шустрее. Он ухватил пузырек буквально из-под носа Крокуса. Однако не ожидал, что соперник пойдет на подлость.

Одно движение, и в руках мужчины блеснул клинок. Из рукава он его вытащил что ли?

– Линси! – заорал он, глядя на меня.

Даль отвлекся на долю секунды. Встретившись с моими округлившимися от испуга глазами, он метнулся вбок, лишь поэтому удар прошелся по касательной. Крокус занес клинок повторно, но у Даля при падении выскользнул из рук сосуд желаний и угодил в сугроб. Крокус бросил поверженного парня и ринулся за стекляшкой. Даль тоже попытался добраться до пузырька, но раненный бок не позволил. Сдерживая стон, он повалился на землю.

– Моя! – твердил Крокус. – Моя! Никаких больше желаний от старого сосуда. Будешь жить в новом и служить только мне.

Я подскочила к Дально. Если посильнее зажать рану, то

кровь не станет так быстро окрашивать снег вокруг него и растекаться алой лужей.

– Потерпи, – прошептала я, обнимая ослабшего Даля. – На помощь! – закричала охрипшим голосом. Но перед церемонией площадь совсем опустела. Мой полный паники взгляд заметался и наткнулся на илею Лоус. Девушка занесла над порогом храма прелестную маленькую ножку в белом сапожке. Шаг. К ней протянулись навстречу мужские руки...

Перед глазами помутнело, как в прошлый Новый год.

Сияющий Оран подхватил на руки свою возлюбленную и ушел с драгоценной ношей внутрь. Церемония Счастья началась. Из открытых дверей на площади слышались голоса, участвующих в ритуале.

Мои руки, зажимавшие рану Даля, стали терять четкий контур и яркость цвета, постепенно приобретая прозрачность. Нет! Только не сейчас! Я не могу сейчас исчезнуть! Далию срочно нужна помощь!

Обернуться к сумасшедшему илору заставил хруст стекла под сапогом Крокуса, остервенело топчущего пузырек. Зеленые осколки брызгали во все стороны из-под тяжелой подошвы.

Третье желание Даля исполнилось. Только вернуться домой мне уже было не суждено – сосуд с информацией о моем мире исчез.

То, что меня неведомой силой утягивает куда-то, поняла, переведя взгляд на Даля. Он безуспешно пытался задержать

меня, буквально утекающую у него сквозь пальцы. Куда? В междумирье?

Оказалось, нет. В пяти шагах от нас стоял торжествующий Крокус. В его раскрытой ладони светился магией – где только взял? – новый, фиолетовый сосуд желаний, притягивающий меня словно магнитом.

– Ко мне, моя линси, – зывал илор жутким хриплым голосом, – ко мне.

– Ни за что! – Даль тоже сообразил причину, по которой я таяла на глазах и, проходя сквозь удерживающие меня любящие руки, стремилась к собственной гибели.

Превозмогая боль, он поднялся на ноги и рванул к Крокусу. В удар по ладони илора парень вложил все свои оставшиеся силы. Пузырек, сверкая на солнце и рассыпая яркие фиолетовые искры, взметнулся над нашими головами и полетел в сторону.

Крокус ринулся за своим бесценным артефактом, а я – к свалившемуся на землю Далю. Ползла, почти не чуя ног и рук. Хорошо, меня тянуло как раз в том же направлении, иначе вряд ли справилась бы, если пришлось бы двигаться в противоположную сторону.

– Живи, только живи, – попросила я, добравшись до Дали и приподняв его голову. – Мне больше ничего не нужно, только не умирай, пожалуйста.

Светящиеся любовью глаза смотрели на меня, а бледные губы шептали слова обета, доносившегося из храма:

– ...в горе и в радости буду с тобой, в богатстве и в бедности буду с тобой, в болезни и в здравии буду с тобой...

Надо же, миры разные, а слова похожи. Непроизвольно и я присоединилась к хору голосов, летящих над площадью, повторяя созвучную моей душе клятву. Мир сузился до нас двоих, сжимающих друг друга в объятиях. Со всех сторон лилась тихая нежная мелодия. словно брачная церемония храма проводилась только для нас. И я в этот момент чувствовала себя такой счастливой! Внутри разливалось тепло, щекочущее и напевающее, что все будет хорошо. Несмотря на творящиеся вокруг ужасы, впервые за долгое время я расслабилась и отпустила свои переживания, доверилась провидению и просто наслаждалась ощущениями крепких рук на своей талии, шелковистых волос, в которых запутались мои пальцы, сиянием Его глаз.

Разрушающее меня притяжение к сосуду желаний исчезло. Раздался душераздирающий вопль. Очарование брачной церемонии развеялось. Я взглянула в ту сторону, откуда доносился крик, и мой рот приоткрылся в изумлении.

Крокус распался на мельчайшие частицы и тонким ручейком утекал в пузырек, опрокинутый на снег. Что за чертовщина? Как такое возможно? Мужчина ведь принадлежит этому миру?

– Нет, не принадлежит, – фыркнула ведьма в ответ на мой вопрос и прижала глаз к пузырьку, который мы с Далем ей

вручили. Она внимательно рассмотрела барахтающегося в магическом сосуде илора и только после этого поставила артефакт на прилавок. Мужчина безуспешно бился о стекло и явно выкрикивал в наш адрес проклятия, которых мы при всем желании не могли бы услышать.

– Как это? – удивленно дернулся Даль и тут же сморщился от боли.

– Нужно было остаться дома, – проворчала я. – Рана еще не зажила, а ты носишься по городу.

– И отпустить тебя одну? Я в порядке. Просто неловко повернулся.

– Ничего удивительного, если его действительно почти что отправили на тот свет... – проскрежетала старуха.

– Он сам сказал. Да и я видела, когда меня у него украли. Он был мертвым, или почти, – поддакнула я.

– Он одной ногой здесь, а одной уже там, – травница особенно выделила последнее слово. Вот и признал его сосуд за свою добычу.

– А я...

– А ты теперь здешняя.

– Правда?

– Я ж тебе говорила, что сосуда нет, нет и дороги домой. Третье желание исполнилось, узы линси с тебя сняты. Если б не новый сосуд, то сразу бы все разрешилось. А так, – ведьма дернула губой, глядя на Крокуса, – чуть в новую беду не угодила, в очередной сосуд могла попасть. Счастливая слу-

чайность спасла. Любовь молодого человека и брачный союз, освященный храмом, привязали тебя к этому миру.

– Так мы не были в храме, просто слышали службу на улице.

– Для высших сил то неважно. Искренние клятвы, они вернее верного. Вы женаты, на случай, если не знали. Так что? Точно не хотите забрать линси себе? Он принадлежит теперь вам.

Мы опустили взгляды на продолжавшего бесноваться в пузырьке Крокуса и дружно протянули:

– Не-э-эт.

Пока Даль вежливо объяснял наш отказ и, пятясь на выход, тянул меня за собой, перед моими глазами словно наяву встали события месячной давности.

...Вот я сижу на снегу, обхватив обеими руками Даля и глупо тарашусь на фиолетовый пузырек, в котором пропал Крокус...

...Рыдания заглушают мой голос, зовущий на помощь. Я волоку Даля по снегу, оставляя за собой кровавую дорогу...

...Закончена служба в храме. Из дверей хлынула толпа улыбающихся молодоженов и незамужних девиц, уверенных, что в этом году счастье обязательно посетит их дом. На нас натываются сразу несколько парней, в том числе и Оран. Даля подхватывают на руки и относят в лавку. Я бегу следом, утирая слезы. Теперь точно все будет хорошо...

...Нечаянно наткнувшись на тот самый фиолетовый пу-

зырек с Крокусом, бездумно кладу в карман и тут же забываю о нем...

...Кто-то вызвал лекаря, а кто-то сообщил деду Ервею, гостившему у соседки. И вот уже в лавке не протолкнуться от сочувствующих, знакомых и любопытных зевак. Мы с дедом Ервеем сидим у постели раненого и с надеждой смотрим на лекаря, штопающего бок Даля.

– Дед, я отвоевал себе жену, – шепчет в полубреду парень.

– Ты у меня молодец, – одобрительно отзывается старик и попутно похлопывает меня по ладони, успокаивая.

Я пытаюсь сдерживаться, как могу, чтобы никого не напугать своим жутким воем. Закусываю щеку изнутри, затыкаю свободной рукой рот – вторая лежит в сухих и горячих ладонях деда Ервея, но слезы меня не слушаются, текут и текут, заливая все вокруг. Чего это я? Все же будет хорошо...

Все действительно сложилось хорошо. Да что там! Наилучшим образом! Даль поправлялся. К открытию лавки он прекрасно себя чувствовал и даже мог часами сидеть в кухне на кушетке, поставленной специально для него. Он командовал мной, дедом Ервеем и Алошкой, попутно малюя листовки для своей новой идеи – печенюшек для именинников с магической музыкальной начинкой. Выпечку строгий шеф-повар проверял самолично на каждом этапе, от замеса теста до приготовления глазури или посыпки. А время от времени даже выходил в торговый зал, чтобы ненадолго сменить кого-нибудь из нашей троицы за прилавком.

– Ты чего застряла? Идем! – голос Даля вернул меня в настоящее, а хлопнувшая за спиной дверь в ведьмину лавку заставила подпрыгнуть. – Или хочешь забрать линси и поэтому никак не уйдешь от травницы?

– Нет! Просто задумалась. Я ведь не самая лучшая невеста. У меня нет богатства или как раньше – способностей... Я больше не смогу исполнить ни единого твоего желания.

– Глупости, – Даль заключил меня в объятия, и я замерла, боясь неловким движением сделать ему больно. – Для меня ты – идеальна!

– Но ты не... – запнулась я на половине фразы.

– Тебя что-то беспокоит?

– Все это время мы оба были под постоянным приглядом деда Ервея и Алошки и не могли поговорить откровенно.

– Сейчас мы только вдвоем. Ты можешь сказать мне что угодно, – в голосе Даля слышалось беспокойство. Он нервно поправил на моей голове пушистый платок, задев теплыми кончиками пальцев прохладную кожу моих щек.

Я набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула:

– Пока я была линси, творила страшные вещи!

– Не ты, а хозяева твоего сосуда, – с явным облегчением возразил Даль. – У тебя доброе сердце. Но даже если бы и так, мне это не важно. Просто будь со мной.

– Буду, куда же денусь, – рассмеялась я, радуясь той легкости, что ощутила после его слов. А вот Даль насупился.

– Прости, что из-за меня ты не смогла вернуться в свой

мир.

– Ты о чем? Меня в моем мире никто не ждет.

– Но ты говорила... Ведь ты так хотела домой.

– Вовсе нет. Просто пыталась подтолкнуть тебя на третье желание, чтобы поскорее развеялись чары линси, а с ними и опасность для тебя.

– Если честно, я специально тянул время, на самом деле желание придумалось в тот день, когда Оран приходил в гости и рассказал про Милину... Но я все не находил сил расстаться с тобой.

– Тогда... Ты не жалеешь, что нечаянно женился на мне?

– Никогда не пожалею! – ответил Даль с такой страстью, что мне стало даже неловко за свой неуместный вопрос. Конечно, не жалеет, он жизнью рисковал ради меня, а пока лежал в бреду, только обо мне и бормотал. – А ты? – робко спросил он. И столько волнения в любимых глазах.

– Конечно, нет, – прошептала я ему прямо в губы, потому что Даль склонился надо мной, еще не целуя, но уже заставляя мысли путаться, а колени дрожать от слабости. – Мое новогоднее желание – быть рядом с тобой, – призналась я неожиданно для самой себя.

– Надо же. Я загадал той ночью то же самое.

– Правда?

– Да. Удивительно, но желание сбылось. И даже без магии линси.

– Новый год – он такой. Просто поверь и загадай желание.

– На следующий год так и сделаю, – решил Даль и осторожно прикоснулся своими губами моих. По моему позвоночнику пробежал щекочущий холодок, а дыхание перехватило. Но на этом губы Даля не остановились. Нежно и пылко он дарил свою ласку, заставляя меня позабыть обо всем. Его рот все смелее покорял мой, выпивая дыхание, углубляя поцелуй до мерцающих звездочек перед глазами.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы нас не прервал пушистый ком снега, сорвавшийся с крыши прямо на наши макушки. Я резко обернулась на окно травницы, но шторы оказались плотно закрыты. И все равно, меня никто не переубедит, что это не дело рук старой ведьмы.

Даль смешно замотал головой, стряхивая снег с волос.

– И что загадаешь? – спросила я его, немного смущаясь, что травница застала нас целующимися под своими окнами.

Его нежные руки принялись аккуратно убирать сугробы с моих плеч и макушки, а губы – заботливо сдувать оставшиеся снежинки, отчаянно цепляющиеся за одежду.

– Попрошу у Нового года много маленьких Ирисок.

2022г

Любимые мои читатели, от всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом! Желаю, чтобы все ваши светлые и добрые мечты обязательно сбылись! Загадывайте свои желания с верой в чудеса!

А еще я хочу поблагодарить вас за положительные оцен-

ки и поддержку в комментариях! Для меня это очень, очень важно! Даже короткое «Понравилось» делает мой день ярче и счастливее, вдохновляет на написание новых романов. Ваши оценки и комментарии для меня бесценны! Спасибо, мои любимые читатели, что вы у меня есть!

Хотите быть в курсе выхода моих новых книг, первыми узнавать про акции, скидки и подарки? Жду вас в группе ВК – https://vk.com/avtor_vladimirova

Кому этого мало, вот моя личная страничка – https://vk.com/vladimirova_ns

А все-все мои романы собраны на ЛитРес – <https://www.litres.ru/natalya-vladimirova-21280272/> (Жмите на кнопку с колокольчиком «Подписаться», чтобы не пропустить что-то интересное).

С любовью, ваша Наталья Владимирова